

З.А.Ж.А.Т.

ХРОНИКИ КОНЦА СВЕТА

Вячеслав Шалыгин

НАВИГАТОРЫ

Вячеслав Шалыгин

Навигаторы

«ЭКСМО»

2011

Шалыгин В. В.

Навигаторы / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52590-4

Москва. Декабрь 2012 года. Оперативники ФСБ во главе с майором Гуськовым преследуют потенциально опасного преступника, но подозреваемый словно растворяется в воздухе. А чуть позже та же опергруппа пытается надеть наручники на директора фирмы в его собственном кабинете, но и на этот раз чекисты терпят неудачу. очередной подозреваемый странным образом исчезает из офиса. Что происходит? Мистика? Но ведь и с природой творится что-то неладное: над Москвой переливается северное сияние, дрожит земля, а ветер превращается в ураган. СМИ полны информацией о близком конце света. И это похоже на правду, но есть один нюанс: конец света наступит только для Старого мира. А мир Новый, точная копия нашего, останется в полной безопасности. Во всяком случае, так считают навигаторы. И нет оснований им не верить, поскольку эти люди способны переходить из одного мира в другой. Но разве ФСБ может допустить, чтобы кто-то бесконтрольно шастал между реальностями? Пусть и с благородной целью спасения человечества от Апокалипсиса. И майор Гуськов лезет из кожи вон, чтобы пресечь преступную деятельность Водолея, лидера навигаторов, который еще вчера был рядовым столичным бизнесменом Владимиром Водорезовым.

ISBN 978-5-699-52590-4

© Шалыгин В. В., 2011

© Эксмо, 2011

Вячеслав Шалыгин

Навигаторы

Москва, 20 декабря 2012 года

Декабрь хороший месяц. Холодный, нервный, суетливый, но хороший. Ведь это единственный месяц в году, который гарантированно закончится праздником. И даже если жизненная ситуация, заботы или слабое здоровье не позволят отметить праздник так, как хочется, его атмосфера настигнет, расслабит и даст хоть какую-то надежду на лучшее. Так было, есть и будет вне зависимости от погоды, власти или количества проблем. Новый год все-таки. Новое счастье, новые планы и надежды. Остается одно – дожить. Это единственное условие. Жаль, выполнить его удастся далеко не всем.

Майор Гуськов вновь поймал в перекрестье прицела затылок беглеца. Шапку – смешную заячью ушанку образца восьмидесятых годов прошлого века – беглец давно потерял, но это его вряд ли волновало. Он и без шапки явно не мерз. Над взмокшей лысиной мужчины курился парок, а воротник серого пуховика потемнел от пота. Беглец едва волочил ноги от усталости, но не останавливался. Он пробирался сквозь толпу снующих от магазина к магазину граждан, демонстрируя неплохую тактическую подготовку. Шел зигзагом, прятался за прохожими, то и дело пригибался или нырял под козырьки многочисленных торговых палаток.

Знал ли беглец, что преследователи совсем близко? Скорее всего, знал. Хотя не факт. Все эти якобы грамотные зигзаги в толпе могли быть следствием усталости. Возможно, идти напролом мужчине просто не хватало сил. Но Гуськов привык исходить из самого сложного варианта, поэтому заранее приклеил беглецу ярлык «Бывалый». Не потому, что мужчина напоминал персонажа из гайдаевского фильма – не те габариты. Просто майор Гуськов так называл людей, способных не только обнаружить слежку, но и грамотно стряхнуть ее с хвоста. Будь в тылу у Бывалого лишь два-три сотрудника оперативно-поискового отдела, а проще говоря – наружки, так оно и получилось бы еще час назад, перед тем, как беглец спустился в метро, но мужчину вели сразу три группы, поэтому шансов у него было мало. Точнее, не было совсем.

Когда Бывалый выбрался из метро и нырнул в толпу, текущую к трамвайной остановке, ему на хвост сели сразу шесть сотрудников, по двое из каждой группы. Поэтому все зигзаги клиента не принесли никакого результата. Беглеца вели почти под белы ручки и не брали только потому, что не поступал приказ от начальства.

Рядовой вроде бы операцией командовал лично генерал Мазич, большая шишка из Центрального аппарата ФСБ, новый освобожденный заместитель Директора.

Не хухры-мухры, а ого-го! Таких освобожденных замов у Директора раньше было только два. Теперь вот появился третий. Непонятно, откуда он появился (ходили слухи, что его перевели с Чукотки) и зачем он понадобился Директору, но это уже вопросы из другого задачника. Хотя имелся еще один момент. Несмотря на звание и должность, за глаза генерала называли Мазаем, не столько по созвучию с фамилией, сколько из-за внешнего сходства с певцом Сергеем Мазаевым. И называть его так не боялись даже непосредственные подчиненные. Видимо, генерал пытался выглядеть демократичным и близким к простому офицерству. Даже позывной (наверняка сам придумал такой финт) имел, видимо намекая на славное оперативное прошлое. Дескать, это сейчас он штаны протирает на Лубянке, а раньше мерз в окопах невидимого фронта, как все, по-честному.

И вот этот боевой вроде бы генерал, да еще с такими широкими полномочиями и такой внушительной внешностью, почему-то никак не решался отдать приказ. Мясся, как первокурсница на свидании.

Хотя вряд ли дело было в нерешительности генерала. У Мазая, скорее всего, имелись свои резоны. Какие? В такие тайны начальство из Центрального аппарата не посвящало даже

начальство Гуськова, а уж какого-то майора из оперативно-поискового отдела Управления ФСБ по Москве и подавно. Да майор и не интересовался. Наружка есть наружка, дело телячье. Проводил клиента, передал дальше, и все дела. В этот раз группу Гуськова, правда, усилили, наделили особыми полномочиями и даже снайпера пристегнули, но сути это не меняло. Операцию проводили люди из Центрального аппарата, им и карты в руки. А тем, кто на подхвате или ведет клиента, подробности неинтересны. Меньше знаешь – крепче спишь.

Гуськов вернул оружие недовольному снайперу и включил гарнитуру. Пора было менять сопровождение. Снайпер принял оружие молча, но все-таки выразил еще разок свое недовольство. Правда, без слов, только громким фырканьем. Снайпер был прав, нехорошо отнимать у человека ложку во время еды, да и не положено. Кто бы спорил? Будь снайпер повзрослее и поопытнее, он без зазрения совести послал бы майора куда подальше. Но этот салага только побагровел, набылчился и отдал-таки «Винторез», когда Гуськову вдруг захотелось изучить оперативную обстановку вооруженным глазом.

Вернув винтовку владельцу, Гуськов негромко отдал пару коротких распоряжений, убрал палец с гарнитуры и достал из кармана «Никон», бинокль с десятикратным увеличением прозрачайшей оптики и целым набором всяких цифровых примочек. По сравнению с ним прицел «Винтореза» был, как... да никак не был. Какие уж тут сравнения.

Увидев, что за чудо техники майор держит в руке и осознав, что его, мягко говоря, поимели, снайпер фыркнул и вовсе неприлично громко. Правда, уловив гневный взгляд капитана Стрельцова, помощника майора Гуськова, снайпер притих. Наверное, осознал, что салага и лох, а потому заслужил эту профилактическую вздрючку. И вообще, уж лучше пусть свои воспитывают, чем проверяющие из Центрального аппарата.

«Еще спасибо скажет, сопляк, – подумалось Гуськову. – Куда это наш клиент намылился? Явно не в спальный район спешит. Тогда куда? Дальше ведь склады и всякие конторы, толпой не прикроешься, почти безлюдно там. Надеется в лабиринтах затеряться? Тогда он не Бывалый, а так, мелкая сошка. А то и вовсе лошара вроде нашего снайпера».

– Объект в складской зоне, – протрещало в гарнитуру. – Направляется к пункту утилизации.

– Готовность, – приказал сочный голос с колоритной хрипотцой. – Гуськов, позиция у ворот пункта утилизации справа. Расчетное время прибытия десять минут. Ждать указаний.

– Мазай и есть, – отключив микрофон, буркнул Гуськов. – Даже голос похож. Так и кажется, что сейчас споет: «Первый луч, первый дождь, по весеннему Арбату ты иде-ешь...»

– Да вы меломан, Алексей Борисович, – проронил Стрельцов.

– Как все, после пятой. – Майор хлопнул по плечу водителя фордовского микроавтобуса с тонированными стеклами. – Поехали, Геша.

– Блин, только прикемарил. – Водитель сдержал зевок и бросил скептический взгляд в боковое зеркало. – Без мигалки, блин, не вырулишь.

Опасения оказались напрасными. Вырулил и вклинился в поток он вполне успешно. Удивительное дело, но особо плотного движения сегодня на улицах Первопрестольной не наблюдалось. Это еще с утра заметил сам Геша, но поворчать ему никогда было не лень. Вот только свернуть там, где требовалось, у него не получилось, не пропустили братья-автомобилисты, хоть и было их на дороге немного и пропустить проспавшего перестроение брата по рулю им ничего не стоило. Пришлось сворачивать дальше и колесить по тесным закоулкам между складами, возвращаясь на квартал, а затем еще и объезжать раскорячившуюся почти поперек дороги красную фуру с толстощеком Санта-Клаусом на тенте.

Геша высказал все, что думает о водителях-любителях, которые сначала не пропускают, а затем садятся за руль длинномера, после затронул тему сексуальной ориентации всех, кто разгружает фуру и даже добрался до оленей, на которых Санта примчался рекламировать свой любимый напиток, но быстрее от всего этого «Форд» не поехал.

Короче, группа Гуськова опоздала. И не на какие-нибудь секунды, а на то самое расчетное время прибытия. То есть «перекрыла норматив» вдвое, только в обратную сторону. Гуськов представил, что ему скажет начальство, и невесело усмехнулся. Нервный месяц декабрь. Ой, нервный.

Начальство, как ни странно, ничего не сказало. Хотя, вообще-то, ничего странного в этом и не было. Во-первых, будь у начальства что сказать, оно сделало бы это по рации, а во-вторых, опоздала группа лишь формально. Фактически Гуськов со товарищи прибыли очень даже вовремя. Как только двое выскочивших из «Форда» ребят скрылись в конторке справа от ворот пункта утилизации автохлама, мимо фургончика протопал взмыленный беглец. Минутой позже шедшие за беглецом парни забрались в «Форд», а Бывалого взяли под контроль те, кто затаился в конторке.

– Вот устроили нам праздник! – проворчал один из оперативников, старший лейтенант Локтев. – Спасибо начальству! Термобелье это... хрень собачья, а не нанотехнологии. Заибунел весь!

– Черкизон сколько лет как закрыли, – хмыкнув, прокомментировал напарник Локтева, лейтенант Трощинский. – И где ты только достаем эти вьетнамские подделки... под Китай?

– Где все достают, там и я.

– А с хрена ли ты решил, что это нанотехнологии? На этикетке, что ли, написано?

– Ну-у... продавец сказал. Нанотехнологии космические, а он оптовик, поэтому по реальным ценам. Я и повелся. А что, я со своей нанозарплатой в «Эко» или в «Ральф» должен был идти?

– Это обувь. Одежда фирменная – это, например, «Люхта» или «Коламбия».

– Один хрен. Я в них все равно не разбираюсь. У меня и обувь, и одежда от Бай Син Мина или еще от какого-нибудь Ли Си Цина. И нормально. Цена, качество, технологии... все на месте... целый месяц. Как раз до следующей полочки.

– Это верно, какая зарплата, такие на нее и технологии купишь, – Трощинский усмехнулся. – Стрелец, кофе есть?

– Там термос, – Стрельцов махнул рукой, указывая на багажный отсек.

– Налей, а?

– Стюардессу нашел?

– Руки замерзли.

– Меня подначил, а у самого перчатки тоже черкизоновские? – уцепился Локтев.

– Тишина, – негромко приказал Гуськов и прислушался к ценным указаниям, которые начальство раздавало командирам групп посредством радиосвязи. Когда сеанс закончился, Гуськов деловито извлек из кобуры пистолет, загнал патрон в ствол, поставил на предохранитель и переложил оружие в карман куртки. – Геша, на месте, будь готов к подхвату. Снайпер, готовность, держи ворота. Остальные к машине, в темпе, за мной!

– Погрелись, бля, – проскрипел Локтев.

Стрельцов и второй «топтун» обошлись без комментариев.

Очувтившись на свежем воздухе, Гуськов первым делом застегнул до ворота молнию куртки. Прошлогоднюю историю с воспалением легких он помнил во всех подробностях. Все прошло, слава богу, без осложнений. Повалился две недельки в госпитале, потом еще недельку пофилонил на больничном – и все дела, но повторять этот подвиг Гуськову не хотелось. И не потому, что здоровья жалко. Очень уж скучно это – болеть. Да и жалко тоже.

«Будь попроворнее, давно в теплом кабинете сидел бы, вон как Жданыч или Самсонов. Но вот ведь непруха, как в поле воевать – вы, Алексей Борисыч, лучший, кто ж кроме вас? А как бумажки перекладывать – не ваш формат, майор Гуськов. Ну не упыри? А хотя... да и хрен с ними!»

Гуськов осмотрелся, подал знак ребятам и вразвалочку направился к свежеекрашенным сдвижным воротам, на которых была аккуратно выведена надпись «Пункт утилизации автотранспорта». Справа от ворот, между ними и дверью проходной, висела качественная табличка с такой же надписью и дополнительной информацией о форме собственности и часах работы пункта. Все честь по чести.

Майор впервые видел такое предприятие, поэтому у него даже возник посторонний интерес: что за чудо? Они и раньше процветали, всякие «авторазборы» и пункты приема металла, но чтобы вот так, культурно и официально, без опаски, что тебя уличат в скупке краденого... новинка. Неужели госпрограмма утилизации автохлама оказалась настолько успешной? Но ведь она закончилась. Поговаривают, что ее возобновят, но пока это лишь разговоры. Или народ стал настолько сознательным и зажиточным, что теперь на этом бизнесе можно заработать и без государственной поддержки? По эту сторону ворот найти ответы на все вопросы представлялось нереальным.

Майор прошел через карусель проходной – тоже, между прочим, аккуратной, чистой и даже уютной – кивнул улыбчивой и хорошо одетой дамочке-администратору (а не какой-то там вахтерше в телогрейке) и толкнул дверь во внутренний дворик пункта.

Внутренний дворик оказался просторным и до противного чистым. Более того, он был заасфальтирован, и на асфальте была нанесена разметка с понятными знаками и короткими надписями. «Зона приемки», «мойка» (и стрелка направо), «техническая стоянка». Чудеса, да и только.

Особенно поразила Гуськова надпись «мойка». Мыть автохлам перед тем, как пустить под пресс? На хрена? По старой традиции обмывать покойников? Или еще зачем-то?

Получалось, что внутри приемного пункта вопросов не убавилось. Впрочем, когда Гуськов бросил взгляд на техников в чистых синих комбинезонах и добротных фирменных куртках, вопрос «зачем мыть?» отпал сам собой. Да чтоб не замараться, зачем еще?

«Культура труда это называется, – подумалось Гуськову. – Прямо Европа. Растем, что ли?»

В зоне приемки стояли несколько пожилых машин, вокруг которых деловито ходили техники с планшетами в руках. Владелец майор не заметил. Видимо, сдали, получили расчет и отвалили. А быть может, пили чай в конторе, пока техники осматривали сданный владельцами металлолом на колесах. В любом случае, это снова был сервис в том самом, одобрительном смысле слова.

Гуськов вернулся к своим баранам и попытался взглядом отыскать беглеца. Отыскался только один из «топтунов» группы Гуськова. Он стоял на краю зоны приемки и выразительно косился на один из трех проездов между пирамидами готовых к утилизации автомобилей. Гуськов обвел взглядом штабеля ржавых «Жигулей», «Волг» и допотопных иномарок и недоверчиво хмыкнул. Сознательность граждан превзошла все его ожидания. Примерно ту же мысль озвучил Стрельцов, поравнявшись с командиром.

– Вот это да, – негромко сказал капитан. – Не думал, что народ так активно откликнулся на призыв партии и правительства. Или я что-то пропустил и теперь компенсация не полтинник, а пара сотен?

– У меня сосед «Волгу» за полтинник отдал, как раз под занавес программы, – Гуськов пожал плечами. – Может, какая-нибудь корпоративная доплата?

– У французов была, кажется, только не помню у каких.

– Ну вот.

– А может, пресс только недавно поставили. Накопилось.

– Тоже вариант, – Гуськов кивнул.

– А как вам нравится, как тут вообще... все налажено? Просто Европа.

– Тоже об этом подумал. Ладно, ближе к телу. Парус, что там?

Сотрудник с позывным Парус (самое смешное, что это была его настоящая фамилия) ответил мгновенно.

– Объект забился между машинами в дальнем конце зоны складирования, поблизости от пресса, – спокойно, даже флегматично сообщил оперативник. – По-моему, он скоро кончится. За сердце схватился.

– Гуськов с группой ко мне, – вдруг появился в эфире Мазай.

– Наблюдателей... – попытался уточнить майор.

– Наблюдатели на месте. Мы справа, в третьем проезде.

Майор кивком приказал «за мной» Стрельцову и счастливому обладателю фальшивого термобелья старлею Локтеву и направился в «проезд 3», как значилось на трафарете, украшающем асфальт перед въездом в крайнее правое дефиле между штабелями машин.

– Ситуация один! – вдруг спохватился Парус. – Объект снова пришел в движение. Сменил направление. Идет... прямо на меня.

– Разрешите брать? – спросил Гуськов, понятное дело, у Мазая.

– Отставить! Ждать!

– Чего ждатель-то, – негромко проронил Стрельцов, – когда он загнетса или когда снова уйдет?

– Ситуация... ноль, – растерянно доложил Парус. – Объект... исчез.

– Что? – Гуськов остановился и удивленно взглянул на Стрельцова.

Тот вскинул брови и пожал плечами.

– Объект исчез, – повторил Парус. – Как сквозь землю...

– Наружка, перекрыть ворота! – вдруг повысил голос Мазич. – Группа два – перекрыть выходы на приемную площадку, группа три – блокировать запасные ворота.

– На территории до десяти гражданских, – сообщил командир второй группы.

– Приказываю считать их заложниками террориста, – без малейшего сомнения в голосе заявил Мазай. – Они заранее считаются жертвами. Если беглец прикроется штатскими, разрешаю уничтожить всех.

– Вот так компот, – едва слышно шепнул Стрельцов. – Что ж так круто? Ядерная бомба у объекта в заднице зашита, что ли?

Гуськов не ответил, даже бровью не повел. Его тоже покорила такая постановка задачи, но послушаться Мазая он все равно не мог. Так что ему оставалось лишь сохранять спокойствие и надеяться, что до такого крутого поворота дело не дойдет.

– Гуськов, ко мне, бегом! – вдруг приказал Мазай. – Один!

И снова майор не выдал своих чувств ничем, хотя внутренне крепко выматерился и в воображении поморщился, будто бы сжевал целиком лимон. Чего майор не любил больше всего на свете, так это заданий не по профилю. А Мазай определенно собирался дать майору какое-то персональное задание. Но что делать? Только подчиняться. Работа есть работа. Нравится не нравится, нагнись, моя красавица.

– Командуй, – бросил Гуськов капитану Стрельцову и потрусил в сторону «проезда 3».

Мазай майор Гуськов видел раза три или четыре, да и то издалека. Пару-тройку раз на Лубянке, а однажды тот приезжал к начальству Гуськова по каким-то делам. И вот только сегодня майору выпала честь лицезреть генерала в рабочей обстановке. Выглядел Мазай именно так, как народ и описывал. Одно имелось отличие – взгляд. Все-таки настолько цепкого, холодного и будто бы пронзающего собеседника насквозь взгляда не может быть ни у какого артиста. Взгляд ведь отражает внутреннее содержание, а оно у генерала Мазича сильно отличалось от творческого наполнения души певца Мазаева. И отличалось явно в худшую сторону. А иначе откуда бы взялся этот недобрый взгляд?

Впрочем, старого оперативника Гуськова никакими грозными взглядами было не напугать. Времена, когда начальства боялись как огня, давно прошли, да и само начальство сменило

тактику. Теперь в моде было изображать боевое братство и единство интересов командиров и подчиненных. Вон как Мазай это делал. Но Гуськову-то и раньше было по барабану, хмурится начальник или улыбается. Майор знал себе цену: стоил, сколько стоил, ни больше, ни меньше. Сможете найти лучше – ищите, нет – не взыщите. Теперь и подавно. А все почему? Да потому, что Гуськова совершенно не интересовала карьера. Он предпочитал просто работать, делать, что должен, а там – будь что будет. С такой железобетонной жизненной позицией было тяжело карабкаться по карьерной лестнице, зато и отодвинуть Гуськова с завоеванных рубежей не представлялось возможным. Разве что прилетит какой-нибудь левый орел и устроит поголовную чистку рядов по принципу «меняем всех подряд на своих». Но в это Гуськову верилось слабо. В армии такое было возможно, даже легко, а вот в ФСБ вряд ли. Хотя...

Короче, как бы то ни было, гнущаяся перед Мазаем майор Гуськов не собирался, пусть хоть в сито превратит своим пронзающим взглядом.

Свита у Мазая оказалась колоритная, под стать начальнику. За спиной у генерала маячили три волкодава, казалось бы, средней комплекции и невзрачные, но, судя по спокойствию взглядов, невозмутимости физиономий и «матерости» движений, явно натасканные донельзя. Слева в обнимку с портфелем стояла стройная бабенка лет тридцати. Строго одетая, в безвкусных очках и с черными, как воронье крыло, волосами, постриженными под деловое каре. Фигура вполне, но больше ничего примечательного в ней не было, разве что бросались в глаза чересчур ярко накрашенные губы. Секретарша, что ли? А справа занял место типичный хлыщ, из тех, которые вылизывают начальству задницу настолько чисто, что в тридцать уже ходят в подполковниках. Впрочем, конкретно этот хлыщ пока довольствовался званием майора. Гуськов это знал, хотя все были в штатском. Ведь нынешние звания Гуськову и «правой руке» Мазича присваивали одним приказом. Только Гуськову в тридцать семь (причем повторно), а хлыщу, майору Клименко, в двадцать восемь.

Мазай бросил короткий взгляд на Гуськова и перевел его на хлыща, то есть на майора Клименко.

- По схеме, – проронил Мазай и обернулся к волкодавам: – Проходы контролируйте.
- Майор, – Клименко коротко кивнул Гуськову. – Пойдете с нами.
- И за что такая честь?

Прежде чем ответить, майор Клименко почему-то усмехнулся и неопределенно помахал рукой.

- Пояснения позже, сейчас дело.
- Не вопрос, – буркнул Гуськов.

Мазай сунул руку в карман полупальто, еще раз строго взглянул на Клименко и Гуськова и решительно двинулся в сторону приемной площадки. Майор Клименко вновь подтолкнул Гуськова, как бы предлагая двигаться следом за Мазаем...

...Сам же майор Клименко двинулся замыкающим.

Зачем звали, спрашивается? Гуськов мог встретить их и там, на площадке. А так – бежал сюда, теперь топать обратно. Устроили «воспитательный момент» за опоздание? Как минутами ранее сам Гуськов устроил встряску молодому снайперу? Вполне возможно. Что ж, на каждого ветерана ФСБ, вроде майора Гуськова, всегда найдется ветеран-воспитатель еще времен «Конторы Глубокого Бурения».

Гуськов хмыкнул и тут же беззвучно матюгнулся – под правым ботинком чавкнула грязная снежная каша. Майор поскользнулся и чуть не уселся на пятую точку. Расслабился, задумался и забыл, где находится. Что с головой сегодня, откуда такая рассеянность?

Гуськов вдруг встрепенулся и едва не поскользнулся вновь. Снежная каша? Грязная, скользкая и холодная? Откуда она вдруг взялась? Секунду назад асфальт был абсолютно сухим и чистым.

Майор оглянулся по сторонам и встал как вкопанный. Хорошо, что Клименко успел отреагировать и принял вправо. А иначе он точно врезался бы Гуськову в спину, и они завалились бы, как два обнявшихся голубка, ничком в грязный мокрый снег. Да-да, именно в мокрый снег, которого вокруг было просто море.

Гуськов поморгал, встряхнул головой, но это не помогло. Картина не изменилась.

Серая снежная каша покрывала приемную площадку ровным толстым слоем. Никаких надписей на асфальте майор не смог бы прочитать при всем желании. И машина здесь стояла только одна: до безобразия ржавый «Опель» тысяча девятьсот лохматого года выпуска. Под наблюдением сосредоточенного техника в останках машины ковырялись двое рабочих в синих комбезах. Они как бы пытались снять с немецкого утиля еще хоть что-то ценное, но по большей части курили и травили байки, то есть создавали видимость работы. Оно и понятно – все ценное с этого «Опеля» сняли еще в прошлом веке.

О каком бы то ни было приеме авто вообще не шла речь. Ворота были заперты изнутри на здоровенный амбарный замок. И на площадке перед мойкой было практически пусто. Стояли только два поросенка-«жигуленка», забрызганные грязным мокрым снегом до самых крыш. Гонки по территории им устроили напоследок, что ли? Так или иначе, но мыть их никто не спешил. Гуськов удивленно хмыкнул.

То есть майор находился вроде бы все на той же автосвалке, но... Нет, явно на другой! Не будь тут по щиколотку грязного снега, отличия, может, и не бросились бы в глаза, а так... сто процентов это был другой пункт утилизации.

Как такое возможно? Как можно попасть куда-то в совершенно другое место, сделав всего один шаг? Гуськов невольно пожал плечами. Ну как-как? Вот как-то так. Виртуально. Словно астронавты. Шагнули с трапа спускаемого аппарата, который по всем законам является территорией Земли, и пожалуйста, уже на Луне. «Маленький шагок человека, большой шаг человечества» – и все такое. Сравнение, конечно, подобралось не самое удачное, но ничего другого в голову Гуськову почему-то не пришло.

Майор обернулся и бросил взгляд на пирамиды автомобильного старья. Их по-прежнему было четыре, по пять-шесть машин в высоту каждая, и пресс в дальнем углу складской зоны имелся. Все, как было минуту назад. Только теперь все это ржавое «великолепие» покрывал толстый слой тусклого мокрого снега. Как же он мог выпасть за минуту? Да еще так ловко, что этого не заметил Гуськов? Опять виртуально?

«Может, задремал на ходу? – растерянно озираясь, подумал Гуськов. – Вырубился и не заметил, что в это время прошел короткий, но обильный снегопад?»

Майор покосился на свою одежду. Куртка была сухой, ни одной снежинки или капли на нее не упало. А на пирамиды с автохламом упало. Да еще толстым слоем. Мистика какая-то!

Опять же изменения на площадке. Было несколько машин, осталась одна. Куда делись остальные? Ушли под пресс, пока Гуськов «зависал»?

«Но нет же! Куртка-то сухая! И «жигуленки», которые стоят перед мойкой, все в грязи по уши. Значит, гоняли тут, будто очумелые. От такого шума я точно очнулся бы. Даже если б заснул на ходу. Нет, ну точно мистика!»

Гуськов собрался было вновь обернуться, но в этот момент его взгляд невольно скользнул выше забора, и майор уловил еще одну странность. Пожалуй, самую поразительную.

В низкой снеговой облачности вдруг образовалась большая прореха, через которую Гуськов увидел небо. Странное небо, удивительное, почти нереальное. Майор за свою жизнь видел множество закатов и рассветов, когда небо окрашивалось в самые разные оттенки – от красного, оранжевого, желтого... и до фиолетового. Он видел внушительные, грандиозные картины, которые рисовали в закатном или рассветном небе облака, тучи и грозные фронты у горизонта. Он видел даже такое невероятное, казалось бы, явление, как дневные звезды: было

дело, когда ездил в командировку в горы. Даже северное сияние видел однажды, полярной ночью в Салехарде. Но такого фокуса Гуськов не наблюдал еще ни разу в жизни.

Небо имело не только какой-то странный, нехарактерный для зимы ультрамариновый оттенок, оно еще будто бы было покрыто тончайшей штриховкой. Казалось, что его исцарапали, причем «царапины», размашистые, длинные, полупрозрачные, едва заметно переливались всеми цветами радуги. Они словно отражали разноцветье того, что лежит под странным небом: пестроту потоков машин, сполохи огней и цветную мешанину одежды пешеходов. Гуськов попытался подобрать более точное определение для того, что увидел, «радужные царапины» звучало не очень. И такое определение повисло у него на кончике языка, но снять его Гуськову так и не удалось.

Нестыковки на земле и странности в небе настолько поразили Гуськова, что майор на время забыл, кто он, где очутился и зачем сюда явился. Впрочем, очень скоро Гуськов встряхнулся, заставил себя оторваться от созерцания удивительного неба и встретился взглядом с Клименко. Майор смотрел на оперативника с нескрываемой иронией.

– Что за... – Гуськов осекся.

– Вопросы позже, – напомнил Клименко.

– Это я помню, но...

Гуськов снова поднял взгляд к небу, теперь, чтобы указать майору Клименко на загадочное явление, но прореха в облаках уже затянулась. На тусклых снеговых тучах никаких «разноцветных царапин» и «отражений» не обнаружилось.

«Ну, хотя бы теперь ясно, откуда взялся мокрый снег, – подумалось Гуськову. – Как он умудрился резко выпасть и не задеть меня, все равно остается загадкой, но хотя бы так... Одной чертовщинкой меньше».

– Гуськов, шагай, – вновь усмехнувшись, сказал майор Клименко. – Ганнибал у ворот.

– Кто? – Гуськов обернулся и увидел, что лысый беглец действительно почти доковылял до ворот автосвалки.

Хотя майору почему-то подумалось, что Клименко имел в виду не этот конкретный факт, а нечто иное. Более масштабное. Как-то по-особенному он произнес последнюю фразу. Будто бы намекал на что-то.

– Гр-гражданин Барулин! – вдруг грозно рявкнул Мазай.

Беглец вздрогнул, споткнулся, но удержался на ногах. Остановившись, он втянул голову в плечи, медленно обернулся и бросил затравленный взгляд на приближающихся офицеров ФСБ.

– Стойте на месте, гражданин Барулин! – вновь крикнул Мазай. – Ворота закрыты!

Беглец развернулся к воротам спиной, набычился и уставился на офицеров исподлобья. Почему-то Гуськову он напомнил хоккейного вратаря. Еще пуховик добавлял объема. Ключку ему, маску да ловушку – и был бы вылитый голкипер. Только руки у него болтались неспортивно, словно отсохли.

– Оружие к бою, – проронил Клименко, определенно обращаясь к Гуськову.

– Но клиент не вооружен, руки на виду... – Гуськов замялся.

– Делай, что говорят, – тихо рыкнул Клименко и сунул руку за пазуху.

– Только не ныряйте снова, гражданин Барулин! – продолжил Мазай гипнотизировать беглеца. – Там вас ждут наши сотрудники. У них приказ стрелять на поражение, если вы появиться без нас. Вы слышите меня?

Беглец ничего не ответил. Он лишь тяжело вздохнул, затем поморщился, кивнул и выпрямился. Насколько Гуськов разбирался в типовой мимике, жестах и телодвижениях, беглеца сейчас одолевал сложный комплекс переживаний. Он понимал, что загнан в угол – вздох, он чувствовал досаду из-за проигранной партии, отчего и морщился, он был готов сдаться – кивок,

но при этом он гордо выпрямился, и это телодвижение перечеркивало все предыдущие внешние признаки желания покориться судьбе.

Гуськова серьезно насторожило такое поведение беглеца, и он все-таки выполнил приказ Клименко, достал пистолет и шелкнул предохранителем. Правда, руку он опустил вдоль бедра.

Гуськов по-прежнему не видел необходимости целиться в беглеца. Не голливудский боевик небось снимается. Ни к чему этот киношный ажиотаж с наставленными пистолетами, криками «замри!» и прочей мишурой. Нормальным людям достаточно увидеть «корочки», ну максимум заметить, что ты вооружен, и они обмякают. Этот гражданин Барулин никак не тянул на матерого террориста или бывшего спецназовца, значит, кишка у него теоретически тонка. Хотя теория теорией, а на практике случается всякое.

Клименко вдруг молниеносно высвободил из-за пазухи руку с пистолетом и выстрелил в беглеца. Нет, не так. Он натурально открыл беглый огонь, поскольку за считанные секунды его «Гюрза» выплюнула в сторону ворот почти весь свой свинцовый «яд». Вот только ни в какого беглеца Клименко не попал, хотя палил с двадцати метров. А все потому, что беглец исчез. Вот только что стоял в рамке ворот и вдруг словно растворился.

Гуськов примерно три секунды тупо пялился на изрешеченные ворота, затем на следы в снежной каше, которые оставил гражданин Барулин, на закрытую дверь конторы слева от ворот, а потом снова поднял взгляд к небу. Нет, не потому, что надеялся разглядеть инверсионный след, который оставил гражданин Барулин, так ловко и бесследно стартовавший с импровизированного лобного места. Просто до последнего момента самой большой странностью выглядело местное (уж бог знает что это за место) небо, и вот теперь в чарте странностей его потеснил новый фокус. Хотя не такой уж и новый. Скорее всего, Парус в эфире и сообщал о чем-то подобном.

«Ситуация ноль. Объект исчез».

– Не спать, – недовольным тоном приказал Мазай и коротким жестом позвал офицеров за собой.

Направился генерал к воротам, хотя не хуже Гуськова видел, что в этом нет необходимости. Разве что следы изучить. Но что с них толку?

Майор Гуськов замешкался буквально на секунду, но Клименко, видимо, воспринял паузу как попытку саботажа и бесцеремонно схватил Гуськова за локоть. Оперативник попытался отмахнуться от ретивого управленца, но не тут-то было. Клименко словно ждал, что майор взбрыкнет, и потому вовремя усилил хватку.

– Не дергайся, Алексей Борисович, – прошипел Клименко. – Хочешь остаться здесь? Без проблем. Только останешься навсегда.

– Руку отпусти, – спокойно сказал Гуськов. – Нигде я не хочу оставаться. Отпусти руку, непонятно сказано?

– Шагай, – Клименко отпустил локоть майора и кивком указал на ворота.

Между прочим, ворота были по-прежнему закрыты, на них все так же висел амбарный замок, но перед ними вновь не хватало существенной детали. На этот раз для полноты картины не хватало генерала Мазича. Просто какой-то бермудский треугольник образовался в местном море снежной каши.

Честно говоря, попасть в невидимый и, что еще страшнее, непонятный «треугольник» майору не улыбалось, но Клименко шел рядом, поэтому майору пришлось отбросить все сомнения и шагнуть в неизвестность.

Как все случилось, Гуськов снова не понял. Клименко легонько толкнул майора под локоть, будто бы предупреждая о чем-то, Гуськов сделал очередной шаг и...

...Майор вдруг ощутил, что под ногами не грязный мокрый снег, а чистый сухой асфальт. Гуськов резко опустил, а затем вновь поднял взгляд. Асфальт был сухим и чистым, а прямо перед собой майор увидел наполовину открытые ворота. И слева, за панельно-щитовой кон-

торой, на площадке перед мойкой стояли не два, а четыре «жигуленка», все чистые, как младенцы после ванночки. И справа, на краю поля зрения, аккуратные штабеля машин не были покрыты ни снегом, ни хотя бы каплями талой воды. А над головой...

Гуськов даже выдохнул резче, чем требовалось. Над головой было нормальное голубое небо: застиранное, блеклое, декабрьское. Без всякой там разноцветной штриховки, отдаленно напоминающей северное сияние, и почти без облаков. Разве что далеко у горизонта.

«Похоже, вернулись, – подумалось Гуськову. – Откуда – непонятно, но вернулись. И слава богу!»

– Гражданин Барулин, последнее предупреждение! – вновь послышался голос Мазая. – Стойте на месте!

Выяснилось, что беглец вовсе не уходил ракетой в радужный зенит того странного местечка, из которого вернулись Мазай и подчиненные, а тоже вернулся в нормальный мир... или куда там... в реальность? Короче, не важно. Гражданин Барулин вернулся Сюда на пять секунд раньше Мазая и примерно на десять опередил майоров. Гуськов опять видел его потную лысину и сутулую спину. Отлично понимая, что шансов нет, упрямый беглец все-таки предпринял новую попытку уйти от преследования.

Даже когда из «Форда» выпрыгнули Геша и снайпер, упрямый Барулин не остановился. Протопал на деревянных от усталости ногах мимо них по дороге, будто бы не замечая оперативников.

И Мазай снова не отдал приказа. Он упорно придерживался какой-то непонятной Гуськову схемы.

«Хотя почему непонятной? – майора вдруг осенило. – Он не хочет поднимать шум Здесь! Он хочет взять беглеца Там, на снегу под странным небом. Почему? Это уже другой вопрос. Но схема понятна, как устройство велосипеда. И понял ее не только я. Беглец тоже все понял, потому и прет напролом. Этот Барулин теперь ни за что не «нырнет», как выразился Мазай. Уж не знаю, почему Мазай не хочет просто спеленать этого клиента, как младенца, – заразный он, что ли? – но если генерал решит дождаться, когда Барулин «нырнет», то будет ждать этого до конца света».

На этот раз мысли Гуськова, видимо, совпали с опасениями самого Мазая. Он еще с минуту стоял перед воротами, о чем-то напряженно размышляя, а затем дал отмашку кому-то за периметром пункта утилизации.

Этим «кем-то» оказался снайпер. Парень тут же прижался к «Форду», пристроил левый локоть на боковое зеркальце заднего вида и прицелился. Беглец успел уйти метров на двести, но что такое двести метров для снайпера с «Винторезом»? Жестокая, но все равно детская игра. Снайпер плавно выбрал мизерную слабинку спускового крючка и выстрелил Барулину вслед.

То есть Гуськов так надеялся, что пуля продырявит лишь воображаемый «инверсионный след», который останется за мгновенно исчезнувшим Барулиным. Но на этот раз странного чуда не произошло.

Еле слышно хлопнул выстрел, затем донесся глухой звук удара и довольно отчетливое противное чавканье. Девятимиллиметровая пуля просверлила в затылке у гражданина Барулина аккуратную дырочку и вынесла ему значительную часть мозга через развороченную глазницу.

Беглец дернулся и рухнул ничком на холодный асфальт. Темная кровь стремительно растеклась большой лужей вокруг тела беглеца.

Тут же загудел электромотор привода ворот, которые и заслонили страшную картину от взглядов персонала приемного пункта. Мазай с офицерами едва успели покинуть территорию. Остальным оперативникам пришлось спешно выходить через вахту.

Слева место происшествия быстренько оцепили сотрудники из третьей группы, но и ребята из группы Гуськова тоже не подкачали. Геша быстро развернул машину и подогнал «Форд» вплотную к телу беглеца, загоразивая видимость любознательным дальнобойщикам, которые уже повисли на заборе соседнего складского комплекса, а Стрельцов, Локтев и остальные организовали нечто вроде блокпоста на дальнем перекрестке.

Чуть позже, правда, нервишки у капитана сдали, и он все-таки вернулся к Гуськову, но Локтев и ребята справлялись и без него, так что майор помощника не прогнал. Даже наоборот, обрадовался его появлению. Хоть кто-то из своих оказался рядом в трудную минуту!

Нет, речь не о моральных трудностях. Гуськов не переживал по поводу расправы (а фактически это были чистой воды произвол и расправа) над странным гражданином Барулиным. Да, чисто по-человечески беглеца было жаль, но много ли знал Гуськов о нем и его делах? Быть может, этот нелепый лысый дядька давно натворил на три пожизненных или был предателем, выдавшим нашу агентурную сеть за бугром, и секретная лицензия на его отстрел была выписана самим Директором, а то и вовсе Президентом. Всякое бывает, когда речь идет о безопасности страны. И у нас такое практикуется, и за бугром. Иногда приходится действовать на грани преступления, иногда за гранью, но ведь всех ситуаций в законах не учтешь.

И вообще, это были дела крупнорогатого начальства. Не по этому поводу беспокоился и искал поддержки Гуськов. Его напрягал другой момент: факт того, что он вот только что побывал хрен знает где и это не сон, не бред и не стереокино.

Стрельцову, конечно, эти подробности знать не полагалось, так что делиться с ним впечатлениями майор не собирался. Во всяком случае, не сейчас. Но от капитана и не требовалось вникать и понимать, от него требовалось просто поддержать, одним своим присутствием. А то среди волкодавов Мазая Гуськов чувствовал себя дворовой шавкой. Тоже крупной и смелой, но беззубой и одинокой.

Стрельцов словно почувствовал, что командира надо, условно говоря, прикрыть с тыла, и занял позицию справа и чуть позади. Без лишних расспросов. Гуськову этот вариант и требовался. Таким тандемом они и приблизились к группе Мазая.

Генерал тем временем успел отдать несколько распоряжений, похлопал по плечу снайпера и принял пару бодрых рапортов. Последний от Клименко.

– «Скорая» будет через пять минут, – доложил майор.

– Наша? – уточнил Мазай.

– Так точно.

– Проследи, чтобы все убрали. А то наследил тут гражданин Барулин.

– Да уж, пораскинул мозгами, – Клименко неприятно усмехнулся.

– Значит, так. – Мазай достал из кармана пальто небольшой электронный планшет, открыл одно из окошек и развернул на весь экран короткий список из фамилий, имен, отчеств. К каждому пункту списка имелись еще какие-то примечания мелким шрифтом. – Этого вычеркиваем... хорошо... минус восемь. Смотрим, кто остался.

Клименко вдруг как-то ненатурально откашлялся, и Мазай оторвал взгляд от планшета. Скользнув по окружающим, он уставился на Гуськова. Смотрел Мазай не отрываясь секунд пять, потом почему-то ухмыльнулся и кивком предложил майору подойти ближе.

Гуськов подошел. Стрельцов попытался вновь составить командиру компанию, но капитана оттер Клименко. Ненавязчиво, но ловко.

Гуськову вновь стало не по себе. Определенно генерал Мазич так и не расстался с мыслью использовать майора отдельно от его оперативной группы. Или того хуже – в составе своей свиты. В связи с чем на голову ему свалилось такое «счастье», майору оставалось лишь догадываться.

– Видишь, Гуськов, как надо работать? – Мазай слегка повернул планшет, показывая майору список.

Теперь майор мог прочитать фамилии. Ни одна не зацепила. Если какие-то из этих фамилий и фигурировали в оперативных разработках, то не по линии Гуськова. Ему вообще была знакома лишь одна фамилия: Барулин. Фигурант списка под номером восемь. И теперь напротив стояла жирная галочка, такая же, как напротив еще семи имен на разных строках списка.

– Так точно, вижу, – нейтральным тоном ответил Гуськов.

– Сработали не очень чисто... – Мазай поморщился, – но это дело поправимое. «Скорая» подчистит. Что еще видишь, Гуськов?

– Остались четверо.

– Остались четверо, – Мазай кивнул. – Вот эти установлены, информация проверена, надо только взять субчиков теплыми. С четвертым сложнее, но это не проблема. Одиннадцатый в списке – это резидент. Возьмем его – возьмем и остальных, даже этого четвертого.

– Можно было взять сразу резидента, и тогда взяли бы остальных, – спокойно заметил Гуськов и взглядом указал на труп. – Без этих вот сложностей.

Мазай на миг нахмурился, но потом усмехнулся.

– Не учи отца, Гуськов, детей строгать. Ты до сих пор не понял, что взять навигатора – это тебе не два пальца об асфальт? Это почти искусство.

– Кого взять?

– Навигатора.

– Навигатора? – Гуськов посмотрел на генерала с недоумением. – В каком смысле?

– Считаю, что это конспиративный термин. На самом деле навигаторы – это члены террористического подполья. Так тебе понятнее?

– Странные террористы какие-то, ни одного кавказца.

– Въедливый, – Мазай взглянул на Клименко и вновь усмехнулся. – Ладно, Гуськов, тебе поясню. В виде исключения. Все не кавказцы, но что тут удивительного? Ты разве не в курсе, что в Москве в последнее время террористами вербуются люди некавказских национальностей? Эту информацию что, только до Центрального аппарата довели?

– Нам тоже доводили, – Гуськов кивнул и еще раз бросил взгляд на список.

Мазай вдруг вручил майору планшет и жестом предложил ознакомиться со списком более подробно.

Гуськов скользнул взглядом по фамилиям и кличкам обезвреженных агентов и задержался на оставшихся: Водорезов Владимир Михайлович (Водолей), Горбатов Павел Иванович (Телец), Михайлова Юлия Сергеевна (Дева), Неизвестный (Козерог). Адреса и личные данные, марки машин и госномера, короткие списки близких личных контактов. По Водорезову информация оказалась самой полной, а по Козерогу не было почти ничего, кроме клички и предполагаемого места проживания – Москва, ЮЗАО.

– Павел Глоба, – проронил Гуськов, возвращая планшет Мазая.

– Что? – генерал удивленно вскинул брови и недоверчиво взглянул на Гуськова.

– Неизвестный, наверное, астролог Глоба. Это он всем агентам клички придумал.

– Шутишь, это хорошо, – Мазай вдруг заледенил взгляд. – Нет, это я придумал, для оперативных разработок. А идею Водорезов подкинул. Он в блогах Водолеем подписывается.

– Он резидент?

– Верно, соображаешь, – Мазай слегка расслабился. – Раз главарь – знак Зодиака, а в шайке двенадцать бандитов, то и остальных логично в честь знаков назвать. Нет?

– Логично, – согласился Гуськов и коротко кивнул. – А мне все это зачем знать?

– С нами будешь работать, – Мазай смерил Гуськова изучающим взглядом. – Приказ о переводе уже подписан. Есть возражения?

Гуськов едва сдержал вздох. Мазай преподнес неожиданный перевод майора в ведение Центрального аппарата как милость божью, но для Гуськова-то это было сродни наказанию. Сбы-

вались его самые худшие прогнозы. Сегодня вообще сбывалось все, о чем бы Гуськов ни подумал.

«Увольтись к эбеновой матери и в астрологи пойти, что ли? Ну на хрена им именно я? И ухмыляются еще... что Мазай, что левретка его брюнетистая, что волкодавы с Клименко. Ой, не к добру все это».

– Возражений нет, – стараясь не выдать эмоции, ответил Гуськов.

– Тогда слушай боевую задачу, Гуськов. Займешься Водорезовым, как ты это умеешь, понимаешь меня? Будешь пасти его, как божью корову, и глаз не спускать, куда бы он ни делся. Понимаешь, о чем я говорю?

Мазай указал большим пальцем за спину, на ворота приемного пункта.

– Пока слабо, – признался Гуськов.

– Поймешь по ходу пьесы. Клименко поможет. А когда дам отмашку, возьмешь его теплым. Или холодным. Как получится. Из группы своей ребят подключи, на них тоже приказ имеется. И вообще, подключай, кого посчитаешь нужным. Короче, ты специалист, тебе и карты в руки.

«Это ж надо, какое чудо! – подумал Гуськов. – Центральный аппарат отпускает вожжи! С чего вдруг? Особый случай? Какой, интересно было бы узнать? Совершенно секретный шухер или банальная подстава? Что-то мне подсказывает, что скорее второе, чем первое».

– Сколько можно взять ребят?

– Да хоть всех, – расщедрился Мазай. – Только снайпера заберу. Ордера и стыковые документы для кооперации с полицией у Клименко. Он будет отвечать за все связи. Понятно?

«В том числе за связь с начальством... в режиме стука. Известная схема».

– Есть, понял, – буркнул майор. – Разрешите приступить?

– Действуй, майор. – Мазай кивком указал на Клименко. – У него же все данные по объекту. Еще вопросы?

– Никак нет.

– Тогда вперед, Гуськов, не теряй время. Свободен!

Свободен так свободен. Гуськов никогда не возражал против свободы. Вот только сейчас он чувствовал себя не освобожденным, а наоборот, проданным в рабство. Более того, проданным язычникам, которые практикуют человеческие жертвоприношения, а выражаясь современным языком – жесткие подставы. Гуськов не мог внятно объяснить, почему его вдруг охватило такое чувство, но отсутствие объяснений не мешало ему ощущать себя полным попандцем, разменной фигурой, от которой уготованную ей участь даже и не сильно скрывают.

«Вот тебе и закат карьеры. Попал так попал! Всякое мог представить. Что уволят ни за хрен собачий, что пулю словлю от «чеха» в горах или сопьюсь от нервов. Но чтобы меня вот так нагло подставили... Нет, я понимаю, пока ничего не ясно. Может, накручиваю. Но очень уж плохо вся эта история пахнет. Просто воняет! А это не есть хорошо, это первый признак грязной игры. И ведь не соскочишь никак, даже рапорт об отставке не поможет. Пока его рассмотрят, пока замену подберут, будь добр – дослужи пару месяцев как минимум. Все хитро продумано, все учтено. Вляпался! И ведь не понять, во что вляпался, это самое противное. В мистику какую-то!»

Внешне Гуськов старался сохранять спокойствие, но в душе у него все кипело. Не понимать, во что вляпался, оказалось тяжелее всего. В тему Мазая насчет террористической группы Гуськов, конечно же, не верил. Не первый год служил и участвовал в подобных операциях. Нынешний интерес Мазая не имел никакого отношения ни к шпионам, ни к террористам, ни к оружейным баронам или наркодилерам. Даже к хакерам и спамерам фигуранты мазаевского списка не имели отношения, это сто процентов. Эта странная зодиакальная шайка-лейка скорее напоминала клуб по интересам, участники которого даже и не подозревают, что зани-

маются чем-то нелегальным. Причем не просто нелегальным, а опасным настолько, что это вызвало особый интерес у ФСБ.

«Каша какая-то получается, – Гуськов незаметно вздохнул. – Хрен с ними, с причинами интереса. Но почему столько технических нестыковок? У Мазая есть и адрес, и практически все данные на Водолея. Есть и уверенность, что взять резидента удастся легко и без шума. Но взять его он решил только сейчас, девятым по счету. Почему не первым? Ведь тогда не было бы возни с поимкой агентуры. Резидент был в отъезде, загорал под радужным небом и вернулся только сейчас? Или у Мазая имелись какие-то особые секретные соображения? Да и развязка текущего инцидента получилась странной. Беглеца можно было легко взять голыми руками, но Мазай приказал его застрелить. Причем снайпер, сукин сын, только прикидывался «овцом»! Волком оказался в овечьей шкуре. Он явно заранее получил все инструкции от Мазая. Никому нельзя верить!»

Вновь возникший за плечом Стрельцов будто бы прочитал мысли майора. Он наклонился к Гуськову и негромко пробубнил ему на ухо:

– Я так понял, мы теперь будем плотно работать с Мазаем?

– Плотнее некуда, – так же тихо ответил Гуськов и кивнул. – И вон тот дятел будет нас контролировать. Стучать будет в режиме реального времени о каждом нашем шаге.

– Майор Клименко?

– Он самый.

– А снайпер?

– Этот «мавр» свое дело сделал. Одной головной болью меньше.

– Очень уж странно все это, Алексей Борисович.

– Если б только это, Юра, – вздохнув, тихо ответил Гуськов. – Я кое-что постраннее успел увидеть.

– Это там, когда вы в сумерки ушли? – Стрельцов спохватился, умолк и следующий вопрос задал, когда офицеры отошли на приличное расстояние от начальства. – Это было круто, я вам доложу! У меня чуть глаз не выпал. Прямо как в «Дозоре». Читали Лукьяненко?

– Фильм смотрел. Нет, там не сумерки были. Наоборот, сияло все... как... в Заполярье. Короче, давай в машине поговорим. Я осмыслю, сформулирую, пока доедем. А то сейчас каша в голове.

– Давайте в машине, – Стрельцов кивнул и покосился на Мазая.

Гуськов тоже бросил короткий взгляд на начальство и покачал головой.

Мазай в сторонке что-то обсуждал с Клименко и еще одним офицером из своей команды. Вели себя высокие чины так, словно только что отменно отобедали и теперь, довольные жизнью, собираются разъехаться по домам.

– Упыри, – буркнул Гуськов и распахнул дверцу «Форда», обычно заляпанную вечной московской грязью, но сегодня на удивление чистой.

Почему-то этот факт бросился Гуськову в глаза. Почему? А бог его знает. Наверное, вспомнилась серая снежная каша в «потустороннем мире».

– Эт-точно, – поддакнул Алексею водитель. – Только в кабинеты садятся, сразу же зубы у них прорезаются – и айда кровь из нас сосать. Почему так? Ничего ведь в них особенного, если копнуть.

– Эти особенные, эти через сумерки ходят, – заметил Стрельцов.

– Вот я и говорю, – Гуськов кивнул и подытожил: – Как есть упыри. Не по кабинету, по рождению.

* * *

Москва, 20 декабря 2012 года

Утро каждый начинает по-своему. И необязательно каждое утро начинается с одних и тех же процедур. Зависит от настроения. Как говорится, с какой ноги встанешь. Владимир Водорезов (для сотрудников в фирме – Владимир Михайлович, для друзей – Володя, а для сетевых приятелей – Водолей) имел в арсенале два варианта. Так сказать, и для левой, и для правой ноги.

Бывало, он просыпался рано и сразу шел на кухню, готовил кофе, смотрел круглосуточный новостной канал «Россия 24», затем перемещался в кабинет, чтобы проверить электронную почту, а уж после запирался в ванной. Это если вчера засиделся за компьютером, общаясь с френдами в «ЖЖ» или играя в стрелялки вроде «Сталкера». Или если допоздна читал любимую фантастику, либо смотрел что-нибудь по телевизору.

Если же вечер проходил как-то иначе или на новый день были намечены какие-то серьезные дела, Водолей менял схему. Сначала приводил себя в порядок, а уж затем пил кофе и так далее. Почему так происходило, Володя толком для себя не уяснил.

А еще бывали дни, когда он вообще перечеркивал все схемы и валялся в кровати «до упора», а потом, в зависимости от дня недели, либо мчался будто угорелый на работу, либо со скрипом поднимался и примерно час бродил по квартире, окончательно просыпаясь и «раскачиваясь». Это если был выходной.

В этот раз «ленивый» подъем выпал на четверг, но Володя почему-то выбрал тактику выходного дня. Глаза разлепил не сразу, потом минут пять посидел в постели, тупо пялясь в темный экран телевизора, занимающего полстены спальни, затем все-таки встал, но опять же неспешно, и пустился в бесцельный путь по квартире. «Искать вчерашний день», как выражалась мама.

На втором круге Водолей сообразил, что не напрасно вспомнил мамину присказку. Вчера она позвонила за пять минут до финальной сирены. «Магнитка» выигрывала у «Динамо» с перевесом в одну шайбу, намечалась «валидольная» концовка матча, и Володя пообещал маме перезвонить, как только игра закончится. И он обязательно перезвонил бы, но «Динамо» сравняло счет за минуту до конца третьего периода, затем был сухой овертайм, потом длинная серия буллитов, в которой повезло сине-белым... короче, на радостях перезвонить Володя забыл.

Водолей бросил взгляд на часы. Восемь. Перезванивать было одновременно и поздно, и рано. Поздно потому, что это следовало сделать вчера, а рано потому, что мама вот уже два года как вышла на пенсию и теперь просыпалась не раньше девяти. Но в девять Водолей уже будет в пути на работу. А мама хотела сказать что-то важное. Или не очень важное? Нет, наверное, все-таки просто хотела поболтать. Если б что-нибудь случилось, перезвонила бы сама.

Володя сделал еще один круг по комнатам и наконец вошел в кухню.

Там царил удивительный порядок. Даже подозрительный порядок. Водолей точно помнил, что оставил пару чашек и тарелку в мойке, что на столе оставались незакрытая хлебница и пустая масленка, которую ему было лень не только помыть, а даже поставить в мойку. И крошки на столе оставались. Все это Володя запомнил, поскольку твердо пообещал себе убрать и помыть все до работы. И вдруг такая вот нечаянная радость. Все убрано и помыто самым волшебным образом. Как так? Проснулся среди ночи, вымыл, а потом снова завалился спать и заснул воспоминание о ночном подвиге? Нет, это какая-то клиника получается, лунатизм. Раньше ничем таким Водолей не страдал, с чего бы начал страдать этим теперь? Вечером не пил, по голове не получал, никакие таблетки не принимал. Мистика просто.

– Дядь Вова, а туалетная бумага еще есть?! – вдруг послышалось из-за двери туалета.

– Черт! – Водолей даже вздрогнул от неожиданности. – Юльча! Ты откуда взялась?

– Чего? Не слышу! Так есть или мне, как... чем?..

– Принесу сейчас, – чуть повысив голос, пообещал Володя. – Откуда ты взялась, спрашиваю!

Водолей сходил в кладовку, взял там рулон «Зевы» и вернулся к двери туалета. Дверь приоткрылась, и Володя, не глядя, сунул в щель бумагу. Некоторое время спустя зашумела вода, затем зажурчал кран умывальника, пшикнул освежитель воздуха, и наконец пред ясными очами Водолея предстала «племянница».

На самом деле это щуплое, бледное, светловолосое, голубоглазое, не так давно достигшее совершеннолетия, но при этом наивное и по-детски непосредственное создание ни в каком родстве с «дядь Вовой» не состояло. Юля Михайлова, а для Водолея – Юльча, была дочкой Веры Дмитриевны, домработницы, которая два раза в неделю приходила в «хоромы» Водорезова, чтобы навести порядок и приготовить ему что-нибудь вкусное и питательное. Бывало, что Юля подменяла мать, у Веры была какая-то беда с давлением, и Водолей не возражал. Убирала Юля не хуже, а готовила, на удивление, даже лучше матери.

Но сегодня Володя не ждал ни домработницу, ни ее дочку. И, кстати сказать, имел полное право оштрафовать этот тандем за внеплановое вторжение в свои покои. А если бы он решил голым по квартире прогуляться, или если б у него женщина заночевала? А тут Юльча из сортира – подайте, пожалуйста, бумагу! Очень мило получилось бы.

Впрочем, нечто подобное уже случалось, поскольку Водолей порою сам забывал, что наутро должна прийти домработница, но ничего страшного не произошло. Вера Дмитриевна была человеком деликатным, в личную жизнь Водолея не лезла. Юлечку же свою драгоценную бросала в прорыв, только если уж совсем не могла прийти, лежала с кризом. Так что всерьез ни о каких штрафах речь никогда не шла. Да и как можно оштрафовать Юльчу, этот образчик святой простоты? Это было бы натуральным кощунством. Вот Водолей и терпел все ее выходки. Впрочем, выходки получались безобидные, наивные, так что все это Володю даже забавляло.

– Вам горячие бутерброды сделать? – смущенно потупившись, спросила Юля. – Я руки хорошо помыла!

– Ты не ответила, – Водолей усмехнулся. – Откуда ты взялась и почему вне графика?

– Я сказать хотела... мама в больницу ложится, теперь я буду приходиться. Три недели. Вы не против?

– Не против, – Володя снова усмехнулся. – А позвонить нельзя было?

– Я мимо шла... – Юля почему-то смутилась еще больше, – ну и...

– Ладно, зашла и зашла, – прекратил допрос Володя. – Иди, делай бутеры. Только потом не исчезай, раз уж решила сегодня поработать, дам список и деньги.

– Хорошо, – Юля подняла наконец взгляд. – Вам как обычно?

– Да, – Водолей потер щетину. – Или все-таки сначала кофе, а потом бриться?

– Ой, а вам так даже лучше, – вдруг проронила Юля. – Небритым. Так романтично! Вы такой... как этот... в рекламе чая «Липтон»... немолодой, но благородный.

– Юльча, – Водолей строго взглянул на девушку, – подлизываться ты не умеешь. Говори прямо, в чем проблема?

– Ни в чем! – Глаза у Юли округлились, но все равно остались немножко «щенячьими», с опущенными внешними уголками верхних век.

– Не лги мне, – еще строже сказал Володя.

– Я не лгу, Владимир Михайлович!

– О-о, это серьезно, – Водолей делано нахмурился. – Если ты называешь меня по имени-отчеству, значит, все даже очень серьезно.

– Мама... – Юля снова опустила взгляд. – Ей сказали, что полечат, но в рамках этой... обычной страховой программы. Капельницы там, лекарства копеечные...

– И еще ей подсказали, какие лекарства было бы неплохо купить, чтобы дело пошло быстрее и закончилось не временным улучшением, а долгосрочной стабилизацией, – продолжил Водолей. – Простейший развод. Но действует безотказно. Ох уж эта медицина. Сколько надо премиальных?

– Вы не поняли, дядь Вова! Я отработаю! Это в счет зарплаты!

– Юльча, прекрати, – Водолей поморщился. – Никаких условий, поняла? И вообще больше никаких лишних слов. Коротко: сумма и спасибо.

– Двадцать тысяч. Спасибо.

– Снимешь с продуктовой карточки, – Водолей снова потер щетину. – Пожалуйста. Как ты там сказала, пожилой, но благородный?

– Немолодой... – Юля слегка покраснела. – Я опять глупость сморозила, да? Извините, дядь Вова.

– Нет проблем, Юльча, – Водолей одной рукой обнял девушку за плечи, на миг прижал к себе и отпустил. – В восемнадцать мне тоже все тридцатилетние стариками казались. Иди, делай бутеры. А я пойду все-таки побреюсь.

Прежде чем исполнить обещание, Водолей все же заглянул в кабинет и «разбудил» ноутбук. Компьютер едва слышно вздохнул – «какого рожна будишь так рано?!» – звякнул и выкинул на экран окошко с надписью «у вас 1 новое сообщение». Володя навел курсор, щелкнул клавишей мышки и открыл список «входящих».

Письмо прислала Ирина, бывшая жена Водолея. Такое случалось редко, но все-таки случилось, поэтому Володя не удивился. Наверное, опять будет прозрачно намекать на небольшую материальную помощь. Водолей хмыкнул. Этого и следовало ожидать. Как начнется день, неделя или год, так этот временной промежуток и пройдет. Подмечено давно. Раз сегодняшней день начался с «утренней дойки», так он и продолжится. Сначала Юля «надоила» с Водолея двадцать килорублей, теперь Ира... сколько там ей надо?

Водолей открыл письмо и пробежал взглядом по трем строчкам. К его удивлению, Ирина ни о чем таком не просила. Впрочем, она предлагала встретиться по важному делу, так что еще не вечер. Видимо, сумму она хотела «надоить» такую, что в письме все нули просто не уместились. И почтой она воспользовалась по этой же причине. Ведь если бы дело касалось чего-то другого, могла бы просто позвонить. Но не позвонила, понимая, что Водолей сразу выудит из нее всю информацию и пошлет подальше. Вежливо, конечно, но пошлет. В общем, тактическая хитрость Ирины была ненамного мудренее наивной уловки Юли. Разгадывалась легко.

Водолей взял телефон и выудил из списка номер мобильного Ирины.

Ответила бывшая мгновенно.

– Что хотела? – спокойно спросил Водолей.

– Встретиться, – голос у Иры был почему-то хрипловатым. – В час.

Либо только проснулась, либо простудилась.

– Я не могу в час. Часов в шесть-семь устроит? Допустим, в «Бродяге».

– Володя, это важно... – Ирина запнулась. – Кое-что должно произойти... кое-что очень серьезное, и надо быть к этому готовыми.

– Это твой журналист так решил? – Володя усмехнулся. – А-а, погоди, ты на конец света намекаешь? Пророчества Нострадамуса, календарь маяя, «Земля наскочит на небесную ось» и все такое, да? Как же я мог забыть, сегодня же двадцатое. Завтра миру крышка. Вот ведь я олух, чуть апокалипсис не прошляпил! Так что ты на самом деле от меня хотела?

– Напрасно смеешься, Володя. Все уже произошло. Неужели ты до сих пор не заметил никаких странностей?

– Ира, мне на работу пора, – Водолей поморщился. – Если ты решила предупредить меня о конце света, считай, что выполнила свой гражданский долг. Твоя совесть чиста. Если хочешь сказать что-то еще, выкладывай поскорее.

– Будь осторожен, Володя, смотри вокруг. Я знаю, ты не веришь мне, потому что эту информацию раздобыл Павел. Ты просто ревнуешь...

– Я просто знаю, что твой Павел типичный охотник за сенсациями и работает исключительно на желтую прессу, – перебил Иру Водолей. – Шок! Сенсация! Это невероятно! Аномальное явление! Других слов он не знает. Ему верить – себя не уважать.

– Володя, – голос у Иры вдруг заметно дрогнул. – У нас с Пашей будет ребенок.

От такого поворота темы Водолей опешил. Что он мог сказать на это заявление? Поздравляю? Рад за вас? Или еще какую-нибудь банальность?

– Поздравляю, рад за вас, – голос у Водолея немного сел. – А мне эта информация к чему? Хочешь, чтобы я стал крестным?

– Я боюсь, Володя, – призналась Ира.

И сказала она это настолько искренне, что Водолей сразу же поверил. Такой тон не изобразит ни один артист, даже самый заслуженный и народный. В голосе у Ирины действительно сквозил страх, причем натуральный, глубокий, первобытный. Видимо, накала эмоциям добавляло и новое интересное положение Иры.

«Этот ее Павел просто идиот, – решил про себя Водолей. – Неужели он не понимает, что беременную жену следует всячески успокаивать, а не пугать? Совсем debil он, что ли?!»

– Я понял твой намек, – Водолей хмыкнул. – Тебе надо отдохнуть в спокойной обстановке. У меня сегодня домработница будет до обеда. Можешь заехать, взять ключи от дачи. Сегодня и завтра дача полностью в твоём распоряжении. В субботу приеду, сменю.

– Володя, ты не так понял!

– Да все я понял, – настроение у Водолея окончательно испортилось, ему захотелось поскорее закончить этот разговор и забыть о нем навсегда.

Хотя как тут забудешь? Ирка беременна! Но не от него, Водолея, а от этого косматого бульварного журналюги. Бредовый сон какой-то!

– Володя...

– Все, мне пора!

– Володя, подожди! – почти взмолилась Ира. – Володя, я хочу, чтобы ты знал, я всегда любила только тебя!

– Ты добить меня решила, да?! – Водолей почувствовал, как в душе закипает злость. – Зачем ты это говоришь?

– Я должна была это сказать. Прости. И прощай.

Водолей нажал кнопку «отбой» и бросил телефон на стол.

– Чертова кукла! – процедил он сквозь зубы. – Женщины! Сами не знают, чего хотят!

Некоторое время Водолей сидел, пытаясь справиться с эмоциями, но все, на что его хватило, это вернуться в реальность и вспомнить, что дела, запланированные на сегодняшний так странно и бурно начавшийся день, никто не отменял. В пришибленном состоянии и скверном настроении заниматься делами будет затруднительно, это ясно, но не бросать же все на самотек.

«А ведь чувствовал! С самого утра, как задницей, чувствовал, что все пойдет наперекося! Потому и вставать не хотелось, и день вчерашний искал полчаса, прежде чем окончательно проснулся. Жопная чувствительность, или, выражаясь культурно, – интуиция, это самый надежный индикатор, никогда не ошибается. Жаль, никогда не говорит конкретно, что произойдет и во сколько».

Володя стиснул зубы, поиграл желваками, затем вспомнил уроки аутотренинга, сделал несколько вдохов-выдохов и наконец более-менее взял себя в руки. Что, собственно, произошло? Ирина сделала серьезный шаг навстречу новой жизни, навстречу простому женскому счастью, которое отказался обеспечить ей Водолей. Ну, и в чем ее вина? Ни в чем. Она абсолютно ни в чем не виновата. Володя сам не захотел строить с Ирой нормальную семью, так что обижаться и злиться ему следовало только на самого себя. И этот йетиобразный Павел тут ни при чем. К нему Водолей мог предъявить лишь одну претензию: Павел оказался бóльшим

мужиком, чем Владимир, оказался более зрелой личностью. Журналист взял на себя ответственность, от которой будто от огня шарахался Водолей.

Было неприятно осознавать, что в тридцать три не сформировался как цельная личность. Пожалуй, даже более неприятно, чем понимать, что тебя обскакал другой самец. Но худшее заключалось в другом.

В ситуации существовал один нюанс, тонкий и болезненный, как воспаленный нерв, который и попыталась обнажить Ирина. Семь лет, которые Володя с Ирой прожили вместе, омрачались только одним: фанатичным упрямством Водолея в «детском вопросе». А так они были почти идеальной парой. И когда Ира не выдержала и ушла от Водолея, еще долгие два года они балансировали на грани, не в силах отказаться друг от друга. Но потом Ирина встретила Павла и уцепилась за него, как за спасательный круг. Или за трос, который и вытащит ее из болота бесперспективных взаимоотношений.

Водолей поначалу страшно злился, потом тосковал, затем, не в силах простить, пытался забыть предательницу, но у него ничего так и не вышло. Впрочем, нет, кое-что вышло. Постепенно он успокоился и даже начал снова общаться с Ирой на расстоянии: по телефону, изредка через скайп, а иногда они пересекались где-нибудь в кафе – это когда Ирина просила материальной поддержки. Но при этом Водолей ничего не забыл и... так и не простил бывшую жену. Понимал подсознательно, что она поступила правильно, но это понимание не могло компенсировать обиду.

А еще Водолей по-прежнему любил «коварную изменщицу». Как и она его, если верить сегодняшнему заявлению.

В общем, странная получилась история. Хотя что тут странного? Все предельно понятно и банально. Таких историй, если оглянуться, кругом миллионы.

Водолей все-таки добрался до ванной, встал под душ и на пять минут превратился в подобие статуи под искусственным дождевиком. Программу душевой кабины он автоматически выставил привычную – «контрастную», поэтому через пять минут выбрался из-под «горячего-холодного» ливня совсем другим человеком. Бодрым, энергичным и практически избавившимся от хандры. Зрелость зрелостью, а умение стойко переносить любые удары судьбы и сила воли – сами по себе. Этого у Водолея было не отнять с самого детства. Генетика.

«Подумаешь, любимая женщина беременна от другого! Переживу! Найду получше... – Водолей мысленно себя одернул. – Стоп! Хотел бы найти, нашел бы давно. Уже два года кобелирую, а толку ноль. Ни одна из новых подружек даже рядом с Ирой не стояла. Все на трючку, если с ней сравнивать. И все-таки нельзя заикливаться! Надо выкинуть ее из головы, и все наладится!»

– Дядь Вова, вам свежее полотенце принести?! – послышалось из-за двери.

– Не надо, – Водолей обмотал вокруг бедер банное полотенце и уставился на свое изображение в зеркале.

Для тридцати трех выглядел Водолей, в общем-то, неплохо. Даже небритым. Высокий, в меру спортивный брюнет с едва заметной ранней сединой на висках (это из-за нее Юля обозвала Водолея «немолодым, но благородным»). Черты лица правильные, особых признаков утомленности жизнью – мешков там под глазами или морщин – не наблюдается. Только взгляд слегка тоскливый, но это понятно, сегодня с утра радоваться было нечему. В принципе, с такой внешностью и с таким уровнем обеспеченности Водолею действительно ничего не стоило найти себе пару.

«Надо только реально не заикливаться на Ирке. Выкинуть ее из головы! Выкинуть! Прочь! Как в песне «Сплинов». Как там... «Прочь из моей головы... сквозь охрану, сквозь парк... над Москвой на метле...» Что-то в этом роде. Тем более она скоро станет матерью. Вот и славно, вот и повод, чтобы окончательно закрыть этот наболевший вопрос. А что вряд ли

найдется женщина лучше Ирки, поживем – увидим. Главное – сбросить с глаз шоры. Может, она где-то рядом ходит, а я не замечаю».

– Бутерброды готовы! – послышалось из-за двери.

«Или где-то рядом подрастает, а я не замечаю, – Водолей усмехнулся. – Нет, не о Юльче речь, но ведь теоретически и такое возможно».

– И кофе готово! – добавила Юля.

– Готов, – машинально поправил ее Водолей. – Ты завтракай, я минут через пятнадцать.

– А можно я телевизор включу?

– Можно. Только новости, а не всякую хренотень про строителей любви. И погромче сделай, чтоб я слышал.

– Ой, дядь Вова, а вы халат взяли? Принести?

Водолей наконец сообразил, что Юля неспроста зависла у двери ванной. У нее опять появилось какое-то дело. Володя боялся даже предположить, какое это дело. Вернее, предполагал, но отказывался поверить.

Он отодвинул защелку и распахнул дверь. Юля стояла напротив, нервно сцепив пальцы, и смотрела Водолею в район пупка. По щекам у нее ползли пунцовые пятна.

– Юльча, марш на кухню, – строго сказал Водолей.

– Я... вы простите... я почувствовала, что вам плохо.

– Мне? – Водолей удивленно вскинул брови. – Ты ничего не путаешь? В каком смысле – плохо?

– В этом... моральном, – Юля вздохнула. – Ну, в смысле... вы расстроены.

– Почувствовала?

– Да, – Юля кивнула.

– И что ты решила сделать? – Водолей усмехнулся. – Развеселить меня? Или, не дай бог, утешить?

– Почему «не дай бог»? – Юля, судя по ее виду, от стыда была готова провалиться сквозь паркет. – Вы мужчина, а я...

– А ты пойдешь сейчас на кухню и включишь телевизор, как мы и договаривались, – вновь строго сказал Водолей. – В твоей реальности я «дядь Вова», а не мужчина. Поняла?

– Вы... – Юля вдруг резко подняла взгляд и вопросительно уставилась на Водолея. – Вы... знаете?!

– Что я «знаю»?

– Ну, о нас... о себе... о том, что происходит... вообще.

– И ты туда же, – Водолей вздохнул. – Конечно, знаю. Сейчас происходят одновременно три события: остывают бутерброды, я опаздываю на работу, а ты не выполняешь мои указания. Могу предсказать, чем это закончится. На завтрак мы будем пить кофе с холодными закусками. На работе мне придется засидеться допоздна, чтобы сделать то, что я не сделал утром. А ты схлопочешь штраф.

– Дядь Вова, – Юля вновь опустила взгляд и опять вздохнула, – я ведь серьезно.

– Иди в... кухню! – Водолей захлопнул дверь, вернулся к зеркалу и покачал головой. – Как сговорились!

На бритье и другие процедуры ушло минут десять. Еще пару минут Водолей потратил на выбор одежды. Сегодня ему хотелось одеться во все темное, но он удержался. Не траур все-таки. Все живы-здоровы. Некоторые даже прибавление ожидают.

Бутерброды остыли, но ровно настолько, чтобы ими не обжигаться, в самый раз. Кофе тоже достиг оптимальной температуры. А вот Юля, похоже, до сих пор пребывала в «разогретом» состоянии. Розовые пятна так и не сошли с ее бледных щек, тонкие пальцы едва заметно подрагивали, а взгляда она не поднимала, будто бы ожидая, что Володя сейчас устроит ей голо-

вомойку за непристойное поведение. Юля почти неотрывно смотрела в тарелку и лишь изредка косилась в телевизор.

Водолей не стал ничего ей говорить, просто сел на свое место, взял пульт и прибавил громкости. На новостном канале шел блок экономических новостей. Красивая брюнетка в стильных очках рассказывала, как идут дела у биржевых маклеров, но Володя не сильно прислушивался. Рост или падение «наждака» и «никкея» его интересовали постольку-поскольку. Он следил за взлетами и падениями индексов, просто чтобы быть в курсе и не выглядеть бараном в компании знакомых брокеров или модных граждан, поигрывающих на «Форексе». То есть к тому, сколько получили прибыли «Майкрософт» или «Фейсбук», Водолей проявлял чисто технический интерес, для общего развития. А уж как там идут дела на Нью-Йоркской бирже и как меняются цены на нефть, его и вовсе не волновало. Какая разница рядовому гражданину, падает цена за баррель или растет, если в России цены на бензин регулируются независимо от стоимости нефти на международном рынке? И никакая ВТО нам не указ.

Такая же петрушка и с акциями отечественных компаний. Зеленеют показатели «голубых фишек» или краснеют, Водолею было фиолетово. Все равно инфляция по итогам года составит как минимум десять процентов, цены вырастут, а доходы основной массы граждан останутся на уровне две тысячи десятого, а то и вовсе на докризисном уровне. И это в лучшем случае. И доллар с евро будут стоить, сколько стоят, ведь через неделю на Рождественские каникулы уйдут буржуи, а затем каникулы начнутся у нас.

В общем, конец декабря и начало января, как обычно, сулили только одну проблему экономического характера – проблему соответствия цены подарков личному бюджету граждан.

Гораздо больше, чем экономические новости, Водолея заинтересовало содержимое двухэтажного «подвала». И на верхней, желтой, строке новостной ленты, и на нижней появились и исчезали сообщения довольно странного содержания. Причем на обоих этажах речь, похоже, шла об одной и той же чередой событий. Похоже, новостей по поводу какого-то происшествия поступило настолько много, что в одну строку они не уложились. Поначалу Володя не вчитывался, но на втором прогоне его взгляд все-таки зацепился за несколько фраз, и мозг начал переваривать информацию. Странную информацию, будто бы вторичную, в продолжение ранее поднятой темы.

«МЧС: нет сомнений, что сильнейшие за всю историю наблюдений магнитные бури напрямую связаны с солнечной вспышкой. С нею же связан охвативший почти всю ионосферу Земли шторм. Но ни о каком катастрофическом влиянии этих явлений на работу важных промышленных и бытовых систем не может быть и речи. *Минздравсоцразвития: влияние магнитных бурь на самочувствие и здоровье граждан минимально.* Росгидромет: атмосферная аномалия имеет явное сходство с хорошо известным северным сиянием, необычно лишь то, что этой ночью его наблюдали жители средней полосы и даже южных регионов России, а также Сибири и Дальнего Востока. *Роскосмос: обычно последствия корональных выбросов фиксируются гораздо позже, и этот факт ставит под сомнение «солнечное» происхождение аномального северного сияния.* Агентство «Рейтер»: беспрецедентный ионосферный шторм продолжается, сейчас это сверхмощное «полярное сияние» можно наблюдать над Атлантикой и восточным побережьем США. *С пометкой «Срочно!».* По данным Росавиации, серьезных проблем с бортовой электроникой воздушных судов не зафиксировано, однако авиакомпаниям и аэропортам рекомендовано приостановить полеты. МЧС: в результате сбоя в работе диспетчерских систем произошли сразу три крупные аварии на железной дороге. *Росгидромет: трудно сказать, сколько еще продлится уникальное «северное сияние», но вряд ли более суток.* Незнаванный источник в европейском космическом агентстве сообщил, что возникли проблемы со спутниками. Связь со многими из них потеряна. *Роскосмос не подтверждает слухи о перебоях со связью между ЦУП и МКС.* Биржи реагируют на «глобальное сияние» резким

падением котировок всех компаний. *Производители модулей GPS подсчитывают вероятные убытки...*»

– «...Регионов России, Сибири и Дальнего Востока», – задумчиво процитировал Водолей. – Совсем за базаром не следят эти журналюги. Поделили страну, недолго думая, акулы пера.

– Уже давно, – сказала Юля. – Помните, жара была... с дымом, в позапрошлом году? Уже тогда говорили «во всей России стоит аномальная жара». А в Сибири все лето холодно было, мне дядя Слава рассказывал, он в Новосибирске живет.

– Я что-то пропустил? – возвращаясь к теме, спросил Водолей. Он оторвал взгляд от экрана и уставился на Юлю. – Ты на это намекала? На аномальное северное сияние?

– Я... – Юля замялась. – Ну да, на это тоже.

– А еще на что?

– Этого по телевизору не показывают, а объяснить я не смогу, – Юля кивком указала на окно. – Вы лучше сами посмотрите.

– Я еще насмотрюсь, – Володя взглянул на часы. – В пробке будет достаточно времени и по сторонам посмотреть, и вздремнуть. Черт, хотел же пораньше выехать!

– Теперь лучше, наоборот, немного подождать, – озвучила Юля первую за утро разумную мысль.

– Может быть, и так, – Водолей ткнул в кнопку переключения каналов.

На ТВЦ шла какая-то дискуссия. Обсуждались выложенные в Сети версии происхождения странной небесной аномалии. Володя на миг прислушался. Какой-то бородастый мужчина читал с листа:

– Вот послушайте, что пишут на одном вполне серьезном сайте: «Этот удар атмосфера выдержала, но назревает новый солнечный выброс, просто невероятной силы... Каррингтонское событие повторится, и в наш век повсеместного применения электроники это создаст серьезнейшие проблемы. В первую очередь могут выйти из строя все трансформаторы. Они расплавятся за считанные секунды. Заметьте, корональные выбросы не слишком опасны для здоровья человека, но для экономики последствия «солнечного удара» окажутся тяжелейшими, экономический паралич в ближайший год унесет жизни миллионов людей. А на ликвидацию нанесенного Солнцем ущерба уйдет не менее десяти лет. Вся проблема в трансформаторах, которые никак не отремонтируешь, придется только менять, что в условиях полной парализации заводов-производителей не очень-то просто сделать...»

Водолей не стал дослушивать и нажал кнопку. Следующий канал, «настоящий мистический», предлагал вниманию зрителей сюжет на тему приближения к Земле гигантской странствующей планеты с сомнительным названием Нибиру. Каким образом связаны теория о планете-путешественнице и «глобальное сияние», в сюжете не уточнялось, но для участников передачи связь почему-то была очевидна.

– «Ни беру, ни даю» – звучит как розовый лозунг, – пробормотал Володя и, хмыкнув, снова ткнул в кнопку переключения каналов.

«Квантовый переход... прецессионное выравнивание Земли с центром Галактики... окончание цикла продолжительностью пять тысяч сто двадцать пять лет, рассчитанное в календаре мая...» Околону научную теорию с такими установочными данными обсуждали какие-то возбужденные люди на следующем канале.

– Я не пойму, – Водолей взглянул на Юлю. – Сегодня других тем для разговоров нет?

– На НТВ обсуждают катастрофы, – Юля пожалала плечами. – Но там тоже все с аномальным сиянием увязывают.

– И что, много катастроф? – Володя нашел нужный канал.

Катастроф, если считать и автомобильные, за прошедшую ночь случилось предостаточно. Возможно, не больше, чем обычно, но подавалась информация с таким надрывом и с такой

страстью, что казалось – именно этой ночью мир начал рушиться и медленно сползать в тарарары.

– Действительно серьезных происшествий только три, – сделал вывод Водолей. – Все на железной дороге. Самолеты не падали, корабли не тонули, вулканы молчат, землетрясения... два, на нашей границе с Китаем и в Японии многострадальной. Ну, да в последнее время как без них? Ни дня без какой-нибудь встряски не проходит. Но такое ощущение, что журналисты решили во что бы то ни стало выжать мутную водицу даже из камней. Ты не в курсе, сегодня случайно не Всемирный день сенсаций?

– Зря вы глумитесь, дядь Вова, – Юля нахмурилась. – Сегодня реально особенный день. И журналисты тут не виноваты. Скоро вы сами все поймете.

– Ну да, – Водолей выключил телевизор и вздохнул. – Денек начался нестандартно. Будет неудивительно, если он так и продолжится. Все, Юльча, я помчался. Вот карточка.

Водолей положил на стол «Визу».

– А список продуктов?

– Сама, сама, – Володя махнул рукой и вышел из кухни. – Ты же знаешь, что я люблю! – крикнул он уже из прихожей. – И вискарь не забудь, помнишь, какой?!

– Название не помню! – крикнула в ответ Юля. – Глен... чего-то там... Короче, треугольная бутылка, зеленая этикетка!

– Правильно. Завтра вечером напьюсь. По случаю конца света.

– Один? – выглядывая из кухни, поинтересовалась Юля.

Как показалось Водолею, в голосе у девушки промелькнуло вовсе не осуждение, а нотка ревности.

– Вот именно! – крикнул Водолей, уже выходя из квартиры. – Все, Юльча, пока! Маме привет и скорейшего выздоровления!

Время ожидания лифта Володя скоротал с помощью привычной процедуры – он на всякий случай проверил, все ли на месте в карманах и все ли документы в портфеле. В состоянии легкого душевного волнения он вполне мог что-нибудь забыть.

Выяснилось, что утренние волнения никак не отразились на автоматизме сборов на работу. Ключи, бумаги, документы, карточки и деньги были на месте. Водолей даже прихватил кое-что лишнее. Например, ключи от дачи, которые обещал оставить дома под ответственность Юли.

Впрочем, Ирина отказалась воспользоваться щедрым предложением бывшего мужа, так что это теперь не имело особого значения. Может, еще самому пригодятся. Летом Володя частенько практиковал финт ушами: уезжал с работы не домой, а на дачу. Несмотря на вечные пробки, путь в пригород зачастую занимал вдвое меньше времени, хотя и был вдвое длиннее. Зимой Водолей так поступал редко, но все-таки такое случалось.

Например, в какие-нибудь особые дни вроде дня рождения. Впервые такой побег от праздника он устроил, еще когда жил с Ириной. У них как раз наметился разлад, но вместо того, чтобы приложить все силы к устранению проблемы, Водолей тупо сбежал на дачу. И эта глупая выходка стала роковой.

В забарахлившем механизме их отношений в тот день сломалось что-то важное, и дальше семейная жизнь покатила к чертовой теще на горелые блины. В том смысле, что Ира на следующий день уехала к маме. Через месяц Ира вернулась, и они даже помирились, но жизнь больше не была прежней. Она стала пресной, скучной и неискренней. Промучившись еще полгода, они разбежались окончательно.

Однако – парадоксально, но факт – Водолей на следующий свой день рождения снова приехал на дачу. И снова один. Затопил баню, всего разок зашел в парилку, а потом накачался вискарем до пороссячьего визга и уснул прямо на диванчике в комнате отдыха. И, что уж совсем

странно, наутро Володя почувствовал себя не разбитым и вялым, а будто бы заново родившимся. Разве что мутило не по-детски.

Что за странные игры устроил разум и почему душевное равновесие восстановилось в том же месте, где было нарушено годом ранее, – Водолей так и не понял. Может, сработала известная формула «клин вышибают клином»? Черт его знает. Важно, что приемчик сработал. Поэтому теперь Володя применял его, если не помогали другие способы снять затянувшийся стресс. Только не надирался больше. Просто приезжал на дачу, топил баню, парился до изнеможения, выдувал пару чайников чая с разными полезными травами, после выпивал всего одну рюмку водки, как якобы завещал Суворов («после бани штаны продай, а водки выпей») и ложился спать. Утром просыпался бодрый, «перезагрузившийся» и с абсолютно ясным видением не только сути проблемы, но и способов ее разрешения.

На текущий момент ком проблем выглядел несерьезно, размером с крупный снежок, не больше, но потому и сравнивают проблемы со снежным комом, что множатся они быстро, дай только раскатиться как следует.

Раскланявшись с консьержкой, традиционно улыбчивой, но молчаливой по причине слабого владения русским языком, Водолей выбрался наконец из дома и потопал по чавкающей серой жиже к машине. Ночью выпал снег, и пока машина прогревалась, Водолею пришлось изрядно помахать щеткой. В отличие от снега, упавшего на асфальт и давно ставшего холодной кашей, снег на машине оставался похожим на нормальные осадки, разве что, слегка подтаяв, стал неподатливым и тяжелым. А еще снега оказалось настолько много, что Володя даже вспотел, пока смел его весь с крыши, стекол и капота машины.

– Все шоу испортил, – посетовал незнакомый автолюбитель, появляясь рядом с соседней машиной.

– Что, простите? – Водолей поднял недоумевающий взгляд на соседа.

– Снег, говорю, – сосед кивком указал на свое заснеженное авто. – Всю ночь валил. Да такими хлопьями, блин-душа, как в Новый год.

– А-а, ну да, – Водолей кивнул.

– Потому и не увидели мы этого, блин, лазер-шоу. Ну, северного сияния. Слышал же, по телеку тряндят без умолку. Нет?

– Да, слышал, – Водолей открыл машину. – Там сказали, что сияние не закончилось. Может, еще повезет, вечером увидим.

– Может, увидим, – сосед почему-то скептически усмехнулся. – А насчет «повезет» я не уверен.

Водолей пожал плечами и уселся за руль. Приемник в машине, как обычно, был настроен на «Юмор», но сегодня утром Володе как-то не очень хотелось радоваться жизни, поэтому он переключился на другую станцию. Альтернативой обычно служило «Авторadio», и Водолей не стал менять привычную схему. Опять же, за рулем всегда полезно узнать, где какие пробки. Автомобильный навигатор справлялся с этой задачей тоже неплохо, но два источника информации всегда лучше, чем один. А еще лучше три и более, как в случае с прогнозами погоды на разных телеканалах. Там разброс обычно составлял градусов десять, и верным оказывалось... нет, не среднее арифметическое, а наименее оптимистичное предсказание. Автомобильная навигация такого выбора пока не предлагала, зато ее данные были точнее, чем у Гидрометцентра, ведь данные о пробках качались из Интернета, куда попадали с дорожных камер. А у радиоведущих имелась еще и агентура в потоке, так называемые народные корреспонденты. Все шло в эфир в режиме прямой трансляции, так что верить и тому и другому источнику было можно. Правда, с учетом того, что пока ты доберешься до места, пробка может либо рассосаться, либо, наоборот, разрастись и перекрыть все пути объезда.

Короче, частоту Водолей сменил, но искомого результата так и не получил. Вместо полезной информации, музыки и шуток троицы ведущих утреннего шоу на частоте «Авторadio»

шли бесконечные новости и совсем уж неформатные интервью с какими-то учеными. Водолею достался фрагмент интервью, а вернее, изощренной пытки, которую устроили растерянному ученому двое каких-то новеньких ведущих. Видимо, пытаясь произвести впечатление на начальство, слушателей и, возможно, друг на друга, юноши упражнялись в красноречии, безбожно перевирая все, что ученый пытался донести до аудитории.

– Все помнят серию землетрясений весной прошлого года в Японии, но мало кто знает, что еще седьмого марта, за несколько часов до первого сильного толчка, наши ученые зафиксировали предвестники катастрофы в ионосфере, – гость студии излагал свои умные мысли медленно и монотонно. Слишком медленно и монотонно для прямого эфира. За что и был довольно скоро наказан.

– Разрешите уточнить, – перебил его один из ведущих, – ионосфера – это ведь там... так сказать, за облаками... очень высоко над землей, а толчки, это результат столкновения плит в толще Земли.

– Литосферных плит земной коры...

– Ну да... – подхватил знамя другой ведущий, – и какая тут связь?

– Все верно, на первый взгляд связь очень отдаленная, но факт остается фактом. Наши приборы способны уловить изменения в ионосфере планеты за несколько часов и над тем самым местом, где будет располагаться эпицентр землетрясения. В совокупности с другими предвестниками этот метод имеет очень высокую степень достоверности прогноза.

– Но какая все-таки связь? – не унимался первый ведущий.

– Это очень долго объяснять, не обойтись без углубления в дебри физики...

– Хорошо, тогда поверим на слово ведущему специалисту Центра космических исследований. Поверим и сразу же зададим следующий вопрос...

– Думаю, главный... – вновь вмешался второй.

– Да, если мы думаем об одном и том же, то главный, – первый усмехнулся. – Что может означать глобальное возмущение всей ионосферы над планетой? В начале интервью вы сказали, что солнечная активность тут ни при чем...

– Солнечный выброс не мог долететь за такое короткое время... – расширил мысль первого второй ведущий.

– Да, вчера около полуночи крупных вспышек на Солнце не было, а сегодня зафиксирована всего одна и далеко за полночь... что-то около пяти часов утра, – первый. – А сияние началось ну прямо как салют в Новый год, ровно в двенадцать ноль-ноль...

– К тому же никакой солнечный выброс не заставит светиться всю ионосферу, – второй. – Ведь так?

– И в чем же тогда дело?

– Вернее, с чем же мы имеем дело?

– Да, с чем? С предвестниками землетрясения? – снова спросил первый. – Но каковы тогда будут его масштабы? Где будет его эпицентр, если светится везде?

– Может быть, Земля собирается просто взорваться?! – делано ужаснулся второй.

– Вот уж «просто»! – с нотками сарказма в голосе воскликнул первый.

– Я понял суть вашего вопроса, – наконец вклинился в их бездарный выпендраж ученый. – Нет, Земля не взорвется. Ионосферный шторм, скорее всего, является предвестником события иного рода. Но тоже имеющего, так сказать, сугубо внутреннее, земное происхождение. Насколько опасным, разрушительным и масштабным будет это событие, мы пока не знаем...

– Но версии имеются? – вновь насел второй.

– Да, версии у нас есть, однако...

– Чего ждать жителям морского побережья? – и это снова был второй.

– А в горах? – первый тоже ринулся в атаку. – Не будет ли там еще опаснее, чем на побережьях?

– То есть оставаться на равнине самое то, верно?

– Позвольте мне ответить по порядку...

– Ну, мы, в принципе, все уже поняли, извините, у нас свежие новости... – неожиданно закруглил тему первый. – Блок самых горячих новостей представляет банк «Доверие» (второй ведущий хихикнул), как известно – любимый банк Брюса Уиллиса, первейшего спасателя Земли от всевозможных катаклизмов. У микрофона Макар Ларионов...

Водолей приглушил звук и, вздохнув, покачал головой.

– Все нормальные ведущие разом уволились, что ли? Или частоту кто-то перехватил? Какие-то клоуны в эфире.

Володя ткнул в кнопку следующей радиостанции.

– А теперь в честь наступающего конца света бессмертный хит группы «Лед Зеппелин»! – донеслось из динамиков. – Дым над водой – это то, что будет на нашей планете всегда! С нами или без нас!

– Если конец света и наступит, то не потому, что Земля взорвется, – процедил сквозь зубы Володя, вырывая из двора. – Его устроят журналисты. Так всем мозги загадят, что народ сам себя уничтожит с перепугу.

Осторожный слалом по забитому машинами двору, преодоление водной преграды в виде большой лужи и объезд разрытой вот уже три года назад теплотрассы прошли без происшествий. Никто не запер, нагло встав посреди проезда «на аварийке», не попросил подождать, пока маневрирует, и не перебежал дорогу перед самым бампером. Хотя бы в этом повезло. Зато на выезде пришлось пропустить четыре цикла светофора, прежде чем удалось влиться в текущий по проспекту поток машин.

Не сказать, что поток оказался очень уж плотным, был он так себе, среднего наполнения, но Водолей точно знал, что все веселье впереди. Когда к потоку, текущему с окраин, присоединятся машины жителей районов средней удаленности, а потом еще и тех, кто проживает более-менее близко к центру, вот тогда-то и начнется полная... эта самая. Ну просто хоть в метро спускайся, в тесные объятия убежденных прагматиков, безлошадных «уже давно москвичей» и гостей столицы.

К удивлению Володи, которое быстро сменилось удовольствием от нормальной езды, удалось почти без проблем проехать более половины пути. Поток, конечно, постепенно становился плотнее, но не настолько, чтобы машины сбросили скорость до черепашьей и началось обычное нервное передвижение короткими рывками. То ли меры, принятые новым градоначальником, действительно начали давать результат, то ли сегодня не все завелись. Оба варианта представлялись сомнительными. Меры мерами, а дороги те же, да и количество машин не уменьшилось. Что же касается проблем с утренним запуском, такое бывает в мороз, а этой ночью температура едва ли упала ниже минус пяти. Повлияло аномальное северное сияние? Каким образом?

В общем, причины, по которым утреннее Ленинградское шоссе было относительно свободно, остались неясны, но факт есть факт. До «Водного стадиона» Володя долетел почти без остановок. А вот дальше пришлось немного притормозить и совершить несколько маневров, прямо скажем, на грани фола.

Причем Водолей вовсе не собирался никого подрезать или играть в дорожные шахматы. Он только реагировал на ситуацию. Дело в том, что примерно на уровне перекрестка с Выборгской ему буквально сел на хвост какой-то тип на серебристом «БМВ». И ладно бы сел. Этот му...жчина был явно чем-то недоволен и пытался спровоцировать Володю на «обмен любезностями». Водолей, как ни старался, не сумел припомнить, в какой момент мог насолить водителю, но беспамятство, как говорится, не освобождает от ответственности.

Пришлось Водолею принять вызов и слегка «потолкаться». Пару раз он отреагировал на резкие перестроения «БМВ», пару раз сам угрожающе дернул рулем, но затем перестроился в правый ряд и позволил «бэхе» уйти вперед. Вроде как уступил и тем самым предложил считать инцидент исчерпанным.

Спустя какое-то время Водoley забыл об этой совершенно стандартной и незначительной стычке, вновь перестроился в средний ряд и вдруг обнаружил, что серебристый «БМВ» опять висит на хвосте. Водoley мог бы подумать, что это просто похожая машина, что сработал «закон парности». Ведь номер предыдущего авто он не запомнил. Но за рулем «бэхи» сидел тот же самый тип, это точно: здоровенный, косматый, небритый, в джинсовке и темных очках (несмотря на пасмурную погоду), одним словом – колоритный. Такие дядьки обычно ездят на китайских джипах, а не на седанах «БМВ», и эта нестыковка бросилась Водолею в глаза еще во время их предыдущей встречи. В общем, сомнений быть не могло, Водoley снова нагнал все тот же чем-то недовольный тип.

Подтвердилось это предположение довольно скоро. «БМВ» вдруг резко вырулил влево, занял крайний ряд и принялся оттирать Водoley. Вот прямо так, нагло, не обращая внимания на другие машины в потоке. Давил, гад, и наседал, заставляя прижиматься к соседям справа. Хорошо, что подобных гоблинов в потоке больше не нашлось, и соседи справа любезно позволили Водолею вклиниться в их ряд.

Но косматому типу на «БМВ» и этого оказалось мало. Он продолжил наседать, теперь уже под возмущенные гудки клаксонов всех, кто видел эту корриду.

– Твою мать! – не выдержал Водoley. – В морду захотел, что ли?! Ну давай, остановимся, поговорим!

Водoley вырулил на обочину и затормозил. Агрессор тоже съехал на обочину, проскочив вперед метров на сто. Съехал и остановился. И все. Водoley-то настроился на мужской разговор, приготовился выйти из машины, как только распахнется дверца «БМВ», вразвалочку подойти к этому косматому чудаку и наехать, что называется, по полной программе. Но косматый почему-то не спешил начинать разговор. Может, тоже не желал выходить из машины первым? Но ведь это как бы принято – у кого претензии, тот их и выкладывает...

Водoley уже собрался нарушить неписаную традицию и выйти первым, как вдруг в корме «БМВ» врубилась фонари заднего хода, и машина попятилась с нарастающей скоростью напрямиком к «Лексусу» Водoley.

«Все понятно, – Водoley хмыкнул. – Леня стало топтать».

Понятно-то понятно, да только «БМВ» приближался с угрожающей скоростью и явно не собирался тормозить.

Водoley вновь ухмыльнулся, теперь недоверчиво.

«На испуг решил взять? А хрен тебе не овощ?! Не выйдет ничего!»

«БМВ» затормозил только в самый последний момент. Будь обочина не такой грязной и скользкой, все могло и обойтись, но холодная московская грязь сыграла с обоими участниками дорожной стычки злую шутку. Красивая показательная порка обернулась банальным мелким ДТП. Машина агрессора мягко ткнула своим задним бампером в передний бампер «Лексуса». Машина Водoley качнулась, а сам Водoley подался вперед, едва не ткнувшись лбом в рулевое колесо.

– Да ты вообще охренел?! – возмущенно проревел Водoley и распахнул дверцу. – Ну, мудень патлатый, я не знаю, что сейчас с тобой сделаю! Но будет очень больно!

Добавив еще пару неинтеллигентных выражений, Водoley решительно приблизился к водительской дверце «БМВ» и без раздумий пнул в район ручки.

Вообще-то обычно Водoley вел себя более сдержанно и в более трудных ситуациях, но сегодня его словно подменили. Сам себя не узнавал, честно говоря. Понятно, что выдалось

нервное утро, неприятные новости, да тут еще ненужная, навязанная этим лохматым придурком автокоррида... и все-таки.

Водолей попытался взять себя в руки и сделал шаг назад, как бы освобождая лохматому место, то есть приглашая выйти. А заодно страхуясь от удара, если лохматый вдруг решит резко распахнуть дверцу. Но противник на его телодвижения не отреагировал.

– Ну что сидишь?! – рявкнул Водолей, так и не дождавшись ответной реакции противника. – Выходи!

Лохматый и ухом не повел. Только рукой. Он вдруг перевел селектор коробки передач в режим «драйв» и резко вывернул руль влево. Оказывается, пока Водолей бесновался, он просто выжидал, когда в потоке образуется подходящий просвет. Скажете, он после этого не мудень?

Водолея настолько ошарашило поведение лохматого типа, что он даже не сразу сообразил, как поступить. И вот пока он хлопал глазами и со скрипом шевелил извилинами, серебристый «БМВ» просто исчез в потоке. И лишь когда он исчез, до Водолея дошло наконец, что он даже не попытался запомнить номер проклятой тачки!

Глупо? Конечно, глупо. А кто поступал умнее? Сколько процентов? Пять-семь от силы? Ну, кто бывал в подобных ситуациях, тот понимает, о чем речь.

Водолей растерянно оглянулся. Поток остался равнодушен к его проблемам. У всех хватало своих.

Володя перевел взгляд на бампер. В общем-то, черт оказался не так уж и страшен. Бампер выдержал «неполный контакт», лишь треснула и потерялась подложка номера. Да и то... Водолей потер пластиковую рамку пальцем. Не сильно даже и потерялась, только грязь сошла, а трещины вообще почти не видно. То есть фактически предъявить лохматому было бы нечего, разве что потребовать компенсацию за моральный ущерб. А вот следы «ответного хода» Водолея агрессору наверняка придется устранять в сервисе. Железо у баварского скакуна оказалось крепкое, но вмятину Водолей на нем все-таки оставил. Так что один-один.

Володе вдруг стало неприятно и даже отчасти стыдно за свой нервный срыв. С одной стороны, ничего такого, ну вскипел, с кем не бывает? Но все равно было стыдно. И даже не столько за сам срыв, сколько за то, как легко он поддался на провокацию. Нет бы выбраться из машины солидно, постучать этак небрежно в стекло, а потом негромко, с интонациями крестного отца сообщить, что лохматый не прав. А еще лучше – дождаться, когда он выйдет сам...

«Но ведь он, гад, не вышел! – Водолей с досадой сплюнул и уселся за руль. – Ну и денек! Что ж происходит-то? Может, мир реально катится к черту и все эти нервные срывы, что у меня, что у этого лохматого придурка, – это предвестники конца всему и всем? Как то аномальное сияние».

Взгляд Водолея невольно поднялся к небу. Рассмотреть небо мешали серые облака, но Володя почему-то решил, что и небо сегодня какое-то странное. Сквозь серую облачность будто бы просвечивала радуга. Да не простая, дугой, а развернутая во все небо.

Водолею снова вспомнились бегущие строки новостного канала. «Аномальное полярное сияние охватило всю атмосферу». Володя вновь с сомнением взглянул на облака.

«И что? Теперь сияние можно увидеть даже в светлое время суток? Нет, бред! Ты начинаешь бредить, Водолей! Причем наяву. Взбодрись! Встряхнись и забудь эту чертову установку на день! Ты сумеешь!»

Водолей крепко зажмурился, помотал головой, а затем для верности шлепнул себя по щекам. Посидев пару секунд неподвижно, он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Затем еще разок и еще. Одновременно Водолей пытался мыслить в конструктивном русле.

«День на самом деле начался нормально! А мелкие неприятности... да и черт с ними! Как там у Головачева, «демпфирование неприятностей», кажется? Лучше несколько мелких, чем одна крупная. Вот и славно, даже оптимистично. Пусть лучше будет такой вот разброд и

шатание, чем что-то серьезное. На этом и остановимся. То есть, наоборот, с таким настроем и продолжим путь. Благо до офиса осталось два квартала»...

...Володя открыл глаза и проанализировал ощущения. Вроде бы отпустило. Не на сто процентов, конечно, но более-менее. Окружающий мир тоже больше не казался мрачным и загадочным. Даже проклятый железный поток, который, урча, дымя и сигналив, пронесся слева по борту, больше не раздражал. Более того, Володя отметил про себя, что дорожная обстановка резко изменилась к лучшему. Всего-то за несколько секунд, пока Водолей жмурился, поток стал менее плотным и более спокойным.

Впрочем, вполне возможно, это было субъективное впечатление. Просто Водолей немного успокоился и «встал на рельсы позитива», вот и начал замечать не только раздражающие, но и положительные моменты. И отыскалось их, как ни странно, немало.

Во-первых, на частоту «Авторадии» вернулся законный владелец. Клоуны из эфира исчезли, бесконечные тревожные новости прекратились, и воцарился нормальный, привычный формат утреннего шоу. Брагин и Гордеева удачно пошутили, Захар сообщил спортивные новости («Динамо» в серии буллитов одолело «Магнитку», а в остальных матчах игрового дня КХЛ победили гости), а затем любимая волна порадовала песней «Би-2». Во-вторых, поток машин стал еще прозрачнее. А в-третьих, небо вдруг резко прояснилось и никакого «аномального сияния» на нем, конечно же, не обнаружилось. Сияло только солнце. Как ему и положено.

«К управлению допущен, – еще немного подбодрил себя Водолей. – Поехали, поехали, не спи!»

Оставшийся до офиса путь обошелся без происшествий. Когда же на вечно забитой парковке перед бизнес-центром нашлось свободное (как по заказу) местечко, а в холле перед лифтами не оказалось очереди, позитив в душе почти победил. До полной победы ему оставалось сделать лишь один маленький шаг. И этот шаг был сделан по прибытии Водолея на восьмой этаж, где находился офис фирмы.

Первым, кого встретил Владимир Михайлович, оказался сисадмин Гриша, который торжественно сообщил, что с утра волшебным образом заработал сломавшийся еще в понедельник кофейный автомат. Согласно Гришиной версии, сервисмены наконец-то нашли в Интернете расшифровку слова «совесть» и во внеурочное время починили такой нужный народу агрегат. Водолей сомневался, что техники руководствовались именно такими мотивами, но в целом с Григорием согласился. Кофемат был вещью полезной.

После такого подарка настроение окончательно нормализовалось, и в свой кабинет Водолей вошел уже совсем другим человеком. Как обычно спокойным, приветливым и позитивным. Как раз таким, каким его ценили сотрудники и тайно любили некоторые сотрудницы.

Все-таки как мало надо человеку если не для счастья, то хотя бы для душевного равновесия!

Едва Владимир Михайлович уселся на рабочее место, в дверях кабинета возникла Рита – секретарша, ценный источник внутренней информации, а также безусловное украшение коллектива. В прямом смысле.

Сегодня Маргарита выглядела особенно эффектно. Она всегда держала высокую планку, но сегодня... любые супермодели нервно курили в сторонке. Водолей даже невольно залюбовался. Будь у Риты так же хорошо с интеллектом, как с внешностью, цены бы ей не было.

– Владимир Михайлович, – Рита одарила босса роскошной улыбкой, – доброе утро. Почта.

– Сюда, – Водолей постучал пальцем по столу. – Как настроение?

– Ой, отлично! Все успокоились. Теперь, как пионеры, на все готовы.

– Всегда готовы, – по привычке исправил Водолей.

Рита не отягощала себя лишними знаниями, но соображала тем не менее быстро. Она сразу поняла, что Водолей спрашивает не столько о ее настроении, сколько о настроении кол-

лектива. После «черного вторника», устроенного конкурентами на прошлой неделе, в фирме довольно долго царило подавленное настроение. Дела пошли на поправку только в этот понедельник (сломавшийся кофемат не в счет), и лишь вчера стало окончательно ясно, что «Водорезовские» выстояли. И это было равносильно победе. Судя по помятости лица Григория и еще двух сотрудников, раскланявшихся с шефом в коридоре, вчера вечером коллектив слегка отметил эту маленькую победу.

– Ты участвовала? – Водолей насмешливо взглянул на Риту.

– Ушла после третьего тоста, – призналась секретарша. – Все три были за ваше здоровье.

– Хорошо, – Водолей улыбнулся и кивнул. – Хорошо, что расслабились. Заслужили. Бухгалтерия на месте?

– Софья Романовна в банке, а Люся у юриста. Позвать?

– Нет, дождусь Софью Романовну. – Водолей еще раз окинул взглядом Риту и не удержался: – Ты всегда прекрасна, но сегодня ты великолепна. Что еще нового? В стране, в мире, в жизни.

– На выходные обещают резкое потепление, – Маргарита изобразила смущение. – Друзья приглашают на дачу, а я даже не знаю... соглашаться или нет. И на свежий воздух хочется, и компания приятная, но... все равно сначала хочу с вами посоветоваться. Как считаете, поехать?

– Ох, Рита, – Водолей вздохнул и усмехнулся. – И когда ты только поймешь, что я не твой принц? Ладно, есть идея. Сообщи всем, что в субботу приглашаю к себе на дачу. Где-нибудь к полудню.

– Ой, как здорово! – Рита просияла. – Мне так нравится ваша дача! Сосны, дом такой просторный, сауна, газоны... и столько места. Я бы там все время жила!

– Далеко на работу ездить, – Водолей снова усмехнулся. – Закуски, напитки и веники с меня, культурно-развлекательная программа с вас. Кто не приедет хотя бы на полчаса, пусть сразу пишет заявление.

– А кто задержится до воскресенья? – Рита лукаво улыбнулась.

– Тот напишет в понедельник. Все, лети, носи людям благую весть, ангел мой. И Ковалевского ко мне! С планом.

– Он уже здесь, – с порога прошептала Рита. – Ёся, заходи.

Начальник отдела сбыта Йозеф Ковалевский поспешил и немного не рассчитал траекторию движения. Поэтому в дверях он и Рита устроили нечто вроде затора. Ковалевский был вынужден почти прижаться к волнующему бюсту секретарши и только после этого бочком протиснулся в кабинет.

Риту ситуация рассмешила, она хихикнула, ущипнула Ковалевского за плечо и упорхнула. А вот начальник отдела воспринял эпизод несколько иначе. Он густо покраснел и заметно разволновался.

Водолей давно подозревал, что Ковалевский равнодушен к Рите, но только сейчас убедился в этом на все сто. Вряд ли Йозеф на что-то рассчитывал. Ему давно перевалило за полтинник, и пусть выглядел он в целом неплохо, поскольку вел здоровый образ жизни и не тратил нервы по пустякам, шансов у него практически не было. Маргарита искала своего принца среди людей и помоложе, и побогаче. Хотя бы среди таких, как Водолей. И, скорее всего, Йозеф это прекрасно понимал. Но ведь сердцу не прикажешь. Особенно когда его терзает пресловутый бес в близлежащем ребре.

– Йозеф Казимирович, присаживайтесь, – Водолей указал на гостевое кресло. – План принесли?

– Да-да, конечно, Владимир Михайлович, – Ковалевский положил на стол Водолею папку. – Новое соглашение с конкурентами значительно облегчило нам жизнь. Теперь составлять план сплошное удовольствие.

– Вы учли предложение Истрина?

– Так, – Ковалевский кивнул. – В первую очередь.

– А Четвертаку звонили?

– К сожалению, он не взял трубку. Я позвонил ему на домашний, но там мне ответили что-то странное. Сказали, что он пока не вернулся из командировки.

– А почему это показалось вам странным?

– Я видел Четвертака вчера вечером.

– А-а, – Водолей усмехнулся. – Ну, такое бывает, сами понимаете. Дома сказал, что вернется в пятницу, а сам вернулся в среду. Но не домой, а к знакомой барышне.

– Или вовсе не уезжал, – Ковалевский сохранил серьезное выражение лица. – Да, я понимаю. Но дела не должны страдать из-за личных проблем. Заметьте, Владимир Михайлович, Четвертак подводит нас уже не впервые.

– Вы правы, Йозеф Казимирович, – Водолей кивнул. – Объявится, составлю с ним серьезный разговор. Не поймет – поставлю ультиматум.

– Да-да, Владимир Михайлович, именно ультиматум, – Ковалевский покивал. – Боюсь, иначе он не поймет.

– Хорошо, я изучу план и ближе к обеду вам позвоню, – попытожил Водолей.

Но Ковалевский почему-то не спешил уходить. Водолей вопросительно взглянул на Йозефа. Тот некоторое время помолчал, собираясь с мыслями, и наконец решил.

– У меня есть личная просьба, Владимир Михайлович. Мне нужен небольшой отпуск. Буквально до понедельника, – Ковалевский смущенно улыбнулся. – Получается, противоречу сам себе. Ведь дела не должны страдать из-за личных проблем...

– Никакого противоречия не вижу, Йозеф Казимирович. Ваши дела в полном порядке. Что-то случилось?

– Я пока не знаю, – Ковалевский не мигая уставился в столешницу. – Но я очень волнуюсь. Сегодня утром я звонил во Львов, и мне никто не ответил. Там у меня живут мать и сестра. Они живут вместе и с ними дочь сестры... моя племянница. Я звонил рано утром, они не могли никуда уйти или где-то заночевать. Мать больна. Но они не ответили.

– А мобильные?

– У племянницы телефон вне зоны покрытия, а у сестры отключен. Я буду звонить соседям и знакомым. Но если они ничего не выяснят...

– Без проблем, Йозеф Казимирович. Конечно же, поезжайте. Я надеюсь, все прояснится до вашего отъезда, и вы прокатитесь до Львова, просто чтобы порадовать семью. Кстати, берите отпуск до католического Рождества. Думаю, это будет лучшим подарком для ваших близких. Я попрошу Софью Романовну, она начислит вам зарплату вместе с премией досрочно.

– Спасибо, Владимир Михайлович, – Ковалевский встал. – В первую очередь спасибо за участие. Я оставлю за себя Марину, но сам буду на связи. Если потребуется, звоните в любое время.

– Вы же знаете, Йозеф Казимирович, мои правила. Если человек в отпуске, значит, в отпуске.

– Но это особый случай.

– Годится. Удачной поездки, Йозеф Казимирович.

Не успела дверь закрыться за Ковалевским, в нее вновь постучали. Воспользовавшись отсутствием в приемной Риты, к шефу прорвался Григорий. Водолей точно знал, что без поддержки Маргариты от Гриши ему не избавиться, поэтому даже не стал сопротивляться. С системного администратора можно было лепить эталон компьютерщика, настолько он был рассеянным по причине полного погружения в компьютерный мир, но при этом цепким, когда дело касалось его вотчины.

К удивлению Водолея, сисадмин не начал, как обычно, прямо с порога рассуждать о законе Мура и, как следствие (если перескочить через несколько известных только компьютерщикам этапов), о необходимости полной замены всего компьютерного парка. Или хотя бы о тотальном переводе его на новую программу. Гриша плотно прикрыл за собой дверь и замялся в ожидании реакции Водолея.

– Заходи, раз пришел, – Водолей кивком указал на гостевое кресло. – Но сразу учти, на апгрейд денег не дам.

– Я не за этим, – Григорий подошел к креслу, но не сел и почему-то оглянулся на дверь. – У меня такое дело, Владимир Михайлович... короче... я тут типа белого кролика.

– В смысле? – Водолей удивленно уставился на Гришу.

– Ну-у... это старая тема, но вы-то видели... ну, «Матрицу». Помните, там к Нео пришли и сказали: «Иди за белым кроликом»?

– Там девчонка была... с тату на плече. Вика из рекламного на нее похожа. Ты не тянешь, Григорий. Кофе упал на старые дрожжи?

– Чего? А-а, нет. Я вчера не напрягался. Seriously, Владимир Михайлович. Там в коридоре Рита от агентов отбивается. Один вообще мистер Смит, ну вылитый!

– Стоп, Гриша, – Водолей поморщился. – Пошутили и хватит. Чего хотел?

– Я серьезно, – Григорий сделал несколько шагов назад и прижался нижней частью спины к двери. – Уходите, Владимир Михайлович. У вас же тут есть черный ход, я знаю. Уходите, я дверь подержу!

– Григорий! – Водолей даже привстал из-за стола. – Немедленно иди домой! И только попробуй еще раз явиться на работу обкуренным! Уволю сразу!

– Это не шутка! – Лицо у Гриши вдруг налилось багрянцем. – Я не могу больше держать! Бегите!

Водолей сел, медленно выдохнул, надувая щеки, и развел руками. Когда человека «накрыло», без медицины не обойтись. Но вызывать «Скорую» по такому поводу не хотелось. Так что Водолею оставалось только сесть и дожидаться, когда Гришу «отпустит».

Григория не отпустило. Его вынесло. Прямоком на середину кабинета. Нет, не в том смысле. Просто удар в дверь оказался настолько силен, что сисадмин получил ускорение не хуже, чем ракета на «Байконуре». Гриша спикировал под стол и там замер. А в распахнувшуюся дверь ввалилась делегация «мистеров Смитов».

Гостей было пятеро, и они действительно выглядели до тошноты стандартно. Трое в полупальто, двое в куртках, но тоже казенного покроя. Калиброванные фигуры, какие-то серые, незапоминающиеся лица, одинаковые короткие стрижки. Выделялся, пожалуй, только один, да и то лишь потому, что вошел первым, и когда делегация замерла, он оказался ближе всех к Водолею.

– Гражданин Водорезов? – нейтральным тоном поинтересовался этот гость. – Владимир Михайлович?

– Он самый, – Водолей даже не попытался встать или хоть как-то выразить свое отношение к бесцеремонному вторжению этих агентов явно государственного пошиба. А чего держаться, если совесть чиста? – С кем имею честь?

– Майор Гуськов, ФСБ.

– Очень приятно, – автоматически проронил Водолей. – Чем обязан?

– У нас есть кое-какие вопросы, прошу следовать за мной.

– А в чем, собственно...

– Троян вам в BIOS, я линзу потерял! – проворчал, выбираясь из-под стола, Григорий. – Стучать не учили, да?

– Прощу... – майор Гуськов чуть повысил голос.

– У чиксы своей проси! – Гриша вылез из-под стола и встал перед Гуськовым. – Кто мне линзу вернет?!

– Не мешайте, гражданин, – строго сказал майор. – Федеральная служба безопасности.

– А мне по фиг! – Григорий сделал полшага вперед и смешно, но неожиданно толкнул майора животом в живот. – Вы мне линзу новую должны!

– Гражданин! – глаза у Гуськова едва не вылезли из орбит.

Несмотря на странную ситуацию, Водолей все же обратил внимание на этот интересный момент. Ох, в новинку старой власти, замешанной еще на советских дрожжах, новое поколение граждан. В диковинку. В полную «недоуменинку». Как же с этими новыми гражданами себя вести?! Авторитетов они не признают, все какими-то законами в нос тычут. А кто эти законы читал?

– Сам знаю, что гражданин! – Гриша вошел в раж. – А вот вы кто?! Чего вы тут забыли?!

– ФСБ! – Гуськов попытался отстранить компьютерщика. – Не мешайте работать!

– А вы не трахайте мне мозг, не пугайте тараканов! – выдал Григорий хорошо известную в Сети заготовку. – Где корочки? Может, полицию вызовем?!

Майор Гуськов поморщился, коротко мотнул головой, и один из его товарищей мгновенно заломил Грише руки за спину. Следующим движением чекист вышвырнул самоотверженного сисадмина из кабинета. Все-таки старая закваска пока была сильнее власти закона, что бы там ни продвигал в народ Президент. Впрочем, получилось сильно, но некрасиво. Во-первых, Гриша крепко приложился плечом и головой к дверному косяку, а во-вторых, сбил с ног Риту, которая стояла на пороге кабинета.

Маргарита упала на свой секретарский столик-конторку, смела с него все документы и принадлежности, прокатилась на спине по столешнице и рухнула между столом и креслом. Гриша ударился животом о край стола и крепко приложился к нему лицом. Водолею даже показалось, что он услышал, как клацнули зубы у незадачливого заступника.

Но больше всего Володю зацепило не это. Его возмутило то, что произошло с Маргаритой. Да что там «возмутило». Вид падающей между столом и креслом девушки привел Водолея в ярость!

Водолей вскочил, опорным прыжком перемахнул через стол и... замер, уткнувшись носом в ствол пистолета.

– На месте! – рявкнул Гуськов. – На колени! Руки за голову!

Водолей обмер, не в силах даже шевельнуться, а не то что выполнить приказ, но ему «помогли» товарищи майора Гуськова. Один врезал ногой Водолею под колени, а другой заломил ему руки за спину, защелкнул на запястьях наручники и подпернул скованные руки Водолея кверху. Получилось, что Володя будто бы висит на дыбе.

Из приемной послышались горькие всхлипывания и подвывания Риты, а также стоны попеременно с ругательствами в исполнении Григория.

От бессилия, непонимания и возмущения Водолей невольно зарычал.

Интересно, что такая реакция произвела на майора определенное впечатление. Он неожиданно присел напротив Водолея, взял его за подбородок и посмотрел ему в глаза. Не говоря ни слова, но с явным интересом.

– Ур-роды, – прохрипел Водолей. – Садисты!

– Парус, отпусти, – приказал Гуськов.

Скованные руки высвободились из захвата импровизированной дыбы и упали на поясницу. Не будь на запястьях наручников – ничего страшного, но «браслеты» больно ударили в спину, и Водолей невольно вскрикнул.

– Не-ет, – Гуськов отпустил подбородок пленника и усмехнулся. – Слишком нежный. – Майор встал и коротко кивнул помощникам: – Выводите.

Два чекиста схватили Водолея за плечи, поставили на ноги и потащили к двери. Володя не сопротивлялся и потому сам удивился, когда вдруг споткнулся на ровном месте. Обо что, спрашивается, тут можно было запнуться? Запутался в собственных ватных от страха ногах?

Сотрудники ФСБ не удержали падающего пленника, и Водолей шлепнулся ничком, едва не расквасив нос о ламинат. Руки-то выставить он не мог. Володя больно ударился о пол животом, но с носом все обошлось. И вообще все обошлось без крови и серьезных ушибов. Только дыхание сбилось, и встряска на миг переключила внимание Водолея с внешних проблем на сугубо внутренние...

...А когда Володя вернулся в реальность, выяснилось, что внешние проблемы куда-то подевались. Во всех смыслах. Вокруг царил тишина, никто не топал, не бубнил и не шуршал одеждой. До Водолея доносился только отдаленный, приглушенный дверью гул голосов и близкое тиканье настенных часов. Володя приподнял голову и, как сумел, осмотрелся. В кабинете он был один. И дверь была закрыта.

Водолей повозился немного, перевалился на бок, а затем сел на колени. Просто чудеса какие-то! Он, несомненно, находился в своем кабинете, но в нем не было никого постороннего. И дверь была закрыта. И гостевое кресло, минуту назад опрокинутое падающим Гришей, стояло на месте.

Водолей обернулся. И на столе все было как прежде. Впрочем, нет, чего-то не хватало. А-а, папки с отчетом Ковалевского!

«Что за чертовщина?! – Водолея даже бросило в жар. – Не приснилось же! Вот же наручники».

Да, наручники на запястьях определенно свидетельствовали, что арест происходил не во сне.

«Но в чем же тогда дело? Упал и провалился на этаж ниже? Бред!»

Водолей все-таки поднял взгляд к потолку. Он выглядел нормально. Лампочки, панели, и никаких проломов.

«Вот это прикол! Прав был Гриша. Просто «Матрица» какая-то!»

В такой вот позиции – на коленях, со скованными за спиной руками и со взглядом, устремленным вверх, Водолея и застала внезапно появившаяся на пороге Рита. По лицу девушки было понятно, что она не ожидала увидеть босса в его кабинете. Секретарша вздрогнула, прижала руки к груди и замерла на пороге.

– Ой! Владимир Михайлович, откуда вы взялись?! – Испуг на лице у Риты сменился беспокойством. – Что с вами?! Вы почему на полу?!

– Долго объяснять, – Водолей почувствовал, что краснеет.

Действительно, как он мог объяснить то, чего и сам не понимал? «Откуда взялся». Вот откуда-то взялся. Откуда-то... оттуда. Где много злых дядек с пистолетами. Как это объяснишь? Да еще эта дурацкая ситуация: сидит Владимир Михайлович посреди кабинета со скованными руками. Как извращенец какой-то. Словно заигрался вчера вечером с какой-нибудь подружкой, а она его кинула и умотала с кошельком и ключами от наручников. Хорошо еще, что штаны не расстегнуты. Смех и грех.

– Ой, как вы меня напугали! – Рита вошла и прикрыла за собой дверь. – Я ведь была уверена, что вы еще не пришли. Как вы могли проскользнуть? У вас там... что?

– Наручники, Ритуля, – Водолей покраснел окончательно. – Только не спрашивай, откуда! Слушай, позови охранника, у него ведь должны быть ключи. Они, наверное, все одинаковые.

Рита подошла и заглянула за спину Водолею.

– И не думала ничего спрашивать, – деловитым тоном сказала секретарша. – И звать никого не буду.

Она вдруг вынула из прически шпильку и присела за спиной у Водолея. Несколько секунд позже руки Володи освободились от оков. Рита поднялась, обошла босса и встала перед Водолеем в эффектной позе, держа «браслеты» на пальчике и покачивая ими, как гипнотизирующим маятником. На губах у секретарши играла загадочная улыбка.

– Спасибо, Рита, ты настоящий друг, – потирая запястья, сказал Водолей. – С меня причитается.

– Вот именно, – Рита усмехнулась. – Меня друзья на выходные приглашают на дачу, но я не знаю, ехать или...

– Если ты еще не оповестила народ о приглашении, едем ко мне на дачу вдвоем, – сдался Водолей. – На все выходные, до понедельника. Если не возражаешь.

– Не возражаю, – Рита бросила наручники на стол и мгновенно преобразилась. Теперь она снова была покладистой и милой секретаршей. Без стервозности во взгляде, речах и манерах.

– А где ты научилась так подозрительно ловко расстегивать «браслеты»? – Водолей попытался все-таки отыграть хотя бы одно очко.

– Я же не спрашиваю, кто их на вас застегнул, – парировала Рита с милой улыбкой.

– Ладно, проехали, – Водолей взглядом указал на дверь. – Никто там меня не поджидает?

– Приходили техники, хотели подписать наряд на починку кофемашины, я отправила их к Софье Романовне.

– На починку? – Водолей поморщился. – Они разве ее не починили?

– Только начали.

– А Гриша где?

– Гриши вообще нет на работе. Я звонила, он сказал, что пешком топает. Какие-то проблемы с транспортом. Я толком не поняла, в телефоне булькало все ужасно. И Ёся опаздывает. Но до него я вообще не дозвонилась.

– Ничего не понимаю, – Водолей потер виски. – Я же разговаривал с Гришей. И с тобой разговаривал. И с Ковалевским. А Софья Романовна уже вернулась из банка?

– Она и не ездила, – Рита пожалла плечами. – Люси ведь тоже нет пока, бухгалтерию не на кого оставить, вот она и сидит на месте.

– Черт знает что! – негромко проронил Водолей и еще раз растерянно оглянулся. – А ты как себя чувствуешь, не сильно ушиблась?

– Владимир Михайлович, вы ничего не путаете? – на лице у Риты вновь отразилось беспокойство. Она подошла ближе, положила руку Водолею на грудь и попыталась заглянуть ему в глаза. – Может, плохо спали, в днях потерялись? Сегодня четверг, двадцатое, половина одиннадцатого.

– Я помню, – Водолей перевел взгляд на часы.

Все правильно, около половины одиннадцатого эти «люди в черном» и ворвались в кабинет Водолея. И куда в таком случае они вдруг подевались? И почему этого не помнит Рита? Да и с другими сотрудниками какая-то петрушка: Гриши нет, Люси нет, и Ковалевский опаздывает, а Софья, наоборот, в офисе. Черт знает что происходит!

– Я все помню, только... все равно... как-то мне не по себе, Ритуля, – Водолей тяжело вздохнул. – Ко мне точно никто не приходил?

– Сто процентов. – Рита приблизилась на опасное (для чисто деловых отношений) расстояние и перешла на волнующий полусшепот: – Вам надо отдохнуть, Владимир Михайлович. Только без экстрима и наручников. Тихо, спокойно, в приятной компании. Хотите, отвезу вас домой? Или прямо на дачу.

– Рита, – голос у Водолея дрогнул. – Не сегодня, хорошо? Как я и обещал, завтра вечером поедем на дачу. А сегодня... я просто высплюсь. Договорились?

– Да, договорились, – Рита все-таки поймала взгляд Водолея. – Это правильно. Сегодня вам лучше выспаться.

Рита сделала шаг назад.

– Появится Йозеф, пусть позвонит. – Водолей торопливо пошарил по столу в поисках портфеля, но не нашел. Тогда он заглянул за стол, а затем под кресло. Портфеля нигде не было.

Володя рассеянно похлопал по карманам. Слава богу, хотя бы ключи, кошелек и документы оказались на месте. Решив, что обойдется и без портфеля, Водолей сделал Рите ручкой и пулей вылетел из кабинета.

Нет, его подстегивало вовсе не чувство неловкости перед Ритой. Секретарша работала с Водолеем уже четвертый год и повидала такое, о чем нельзя было рассказать даже Ирине. Встречи с деловыми партнерами заканчивались иногда очень даже неформально, то в ресторанах, то в ночных клубах, а то и в более частных заведениях. И отовсюду Водолея вызволяла именно Рита. Так что эпизод с наручниками был для нее «проходным», просто еще одним поводом вытрясти из шефа очередную «конфетку». Обычно это были премии или прибавки к зарплате, но иногда, вот как сегодня, Рита меняла материальное поощрение на морально-телесное. Видимо, все-таки не теряла надежду раскрутить босса на более серьезные отношения.

В общем, спешил Водолей не потому, что хотел поскорее скрыться от лукавого взгляда Риты. Просто Володя пятой точкой чувствовал, что приключения на этом не закончатся. И не имело значения, понимает он, что происходит, не понимает, это были его проблемы.

«Соображай, Водолей, соображай! – мысленно подстегнул себя Володя. – Включай мозг! Что там пишут о таких странных ситуациях твои любимые фантасты? Черт! Да кто что пишет! Кто во что горазд! Нет, реальность – это не фантастика, тут все должно быть просто, банально и обыденно. Но... все равно... должна найтись подсказка. Да, точно! Подсказка! Надо внимательнее смотреть по сторонам, и обязательно найдется какая-нибудь подсказка. Вот только какая?»

В лифте и холле никаких подсказок Водолей не обнаружил. Слава богу, не обнаружилось и подозрительных личностей в одинаковых полупальто. На крыльце здания и на парковке он также не увидел ничего особенного. Машины стояли немного иначе? Возможно. Только в этом не было ничего странного. В многоэтажный бизнес-центр ежесекундно кто-то приезжал, а кто-то его покидал. Нет, в ровных рядах припаркованных машин не содержалось никакого «кода».

Водолей торопливо спустился по ступенькам и быстрым шагом направился к месту стоянки своего «Лексуса». И чем ближе он подходил к этому месту, тем прохладнее становилось у него в груди. Когда же Водолей подошел вплотную, внутри все словно оборвалось. Машины на месте не оказалось! Более того, место уже занял какой-то потрепанный «Ниссан».

«Твою мать! – Водолей стиснул зубы. – Сначала стукнули, потом стырили! Да что ж за день такой?!»

Понимая всю несуразность своего поведения, Володя прошелся вдоль рядов машин, задерживая взгляд на «Лексусах», но свою машину, естественно, так и не нашел. Оставив бесполезные попытки «найти вчерашний день», Водолей вернулся к крыльцу и попытался сообщить, что делать дальше. Мысли, честно говоря, снова путались. В точности как после атаки лохматого мудака на «БМВ». То, что машина застрахована по КАСКО, служило слабым утешением, а потому ясности мышлению не добавляло.

«Маячок? – Водолей уцепился за внезапно всплывшее из подсознания слово. – Да, точно, маячок. У меня же установлена спутниковая система слежения! Если угонщики ее не отключили, шанс есть!»

Водолей достал телефон и выудил из телефонной книги номер фирмы-установщика. Надежда на благополучный исход вернула Водолею силы и заставила мобилизоваться. Впрочем, ненадолго. Набранный номер не отвечал. В эфире вообще стояла подозрительная тишина – ни гудков, ни мелодий. Водолей снова порывлся в «контактах» и набрал номер дежурной части. Дорожная полиция также не ответила, хотя Водолей прождал целую минуту. Не отве-

тила и страховая фирма. Водолей еще немного помучил телефон и пришел к выводу, что он сломался. Что ж, вполне естественный ход событий. Пришла беда – отворяй ворота. Так обычно и бывает.

Водолей вновь негромко выругался и растерянно оглянулся. Вернуться в офис и попытаться дозвониться оттуда? А если опять нагрянут эти... Черт! Водолея изнутри окатило горячей волной. Звонит он в полицию! Идиот! Они же сразу сдадут гражданина Водорезова чекистам! А может, машину как раз эти чекисты и уволокли? Ну, чтобы Водолей не смог сбежать.

«Надо было соглашаться на предложение Риты! Но теперь-то поздно. Хотя почему это поздно? В самый раз!»

Водолей вновь попытался дозвониться, теперь до Риты, и это у него, как ни странно, получилось. Вот только разговор не состоялся. Вместо слов Водолей слышал сплошное «бульканье». С сотовой связью сегодня определенно возникли серьезные проблемы. Причем у всех операторов. В этом Водолей убедился, когда набрал подряд номера Егорова и Полякова, приятелей, фирмы которых базировались в этом же здании. Егорыч пользовался услугами «Мегафона», а Поляков – «Билайна». Но ни тот, ни другой на внятную связь так и не вышли.

«Может, это и есть подсказка? – Водолей попытался найти хоть какой-то положительный момент в ситуации. – И что она означает?»

– О, еще ярче стало, – вдруг произнес кто-то неподалеку от Водолея.

Володя обернулся. На крыльце стоял охранник. Он прятал в кулаке незажженную сигарету, то есть опасаться его не следовало – дядька просто вышел покурить. Да и смотрел охранник не на Водолея, а на небо.

Володя тоже поднял взгляд и обмер. Подсказка! Без сомнений, это была именно она. Разноцветная «подсказка» сияла и переливалась, занимая всю видимую в просвете между облаками часть неба.

«Неужели мне не показалось? Тогда, на шоссе. Но ведь небо было чистым, когда я подъехал к офису! Это я точно помню! Оно еще на шоссе очистилось. Сразу после того, как я провел сеанс аутотренинга. Сто процентов! Я зажмурился, посидел, помедитировал, открыл глаза – и все радужные круги исчезли. А теперь, получается, снова появились? И, получается, они реально существуют, а не только у меня перед глазами плавают?»

– Полчаса назад так себе светилось, – расширил пояснения охранник, – для ночи ярко, а для дня – фигово. Но теперь, гляди, разгорелось. Так-ить скоро ярче солнца станет.

– Это... аномальное сияние? – растерянно спросил Водолей.

– Ну, – охранник закурил.

– Я думал, оно... исчезло.

– Облака закрывали, – охранник покачал головой. – Но в прорехах его хорошо было видно. Никуда оно не исчезало. Как ночью началось, так до сих пор и сияет. Без перекуров.

– Понятно, – тихо проронил Володя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.